

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Диалог (зима 1989-го)

- Глава 1. В поисках общей почвы
- Глава 2. Экология и левые
- Глава 3. Радикальные подходы и стратегии
- Глава 4. Расизм и будущее движения

Глава 1. В поисках общей ПОЧВЫ

Мюррей Букчин:

Я был общественным активистом более 55 лет. Я был радикальным профсоюзным организатором в 1930-е и 40-е, и я был вовлечён в движение за гражданские права, движение «новых левых» и контркультурное движение 1960-х и 70-х. Я также долгое время был активистом экологического движения. Я рад, когда, например, Родерик Нэш отмечает это достижение в своей книге «Права природы», указывая, что я был на переднем крае экологической борьбы ещё много лет тому назад, задолго до того, как стало широко использоваться слово «экология».

Большинству людей неизвестно, что я появился на экологическом фронте ещё в 1952 г. В то время я выступал против использования пестицидов и пищевых добавок. В 1954 г. я проводил кампанию против ядерных испытаний и радиоактивных осадков. Я протестовал против радиоактивного загрязнения, вызываемого «мирным атомом», которое получило огласку после аварии на Уиндскейлском ядерном реакторе в Великобритании в 1957 г. и позднее, когда «Кон Эдисон» пыталась построить крупнейший в мире ядерный реактор в самом сердце Нью-Йорка в 1963 г. После того я был активным участником антиядерных объединений, таких как «Клэмшелл» и «Шед», и их предшественников, таких как «Восточное экологическое действие». В последние годы я по мере своих сил вёл работу как член берлингтонской группы зелёных в Вермонте и помогал в создании континентальной Сети левых зелёных, которая работает в составе Зелёных корреспондентских комитетов⁵². Моя цель уже долгое время заключается в том, чтобы способствовать созданию действительно радикального североамериканского зелёного движения, которое гармонизирует отношения между людьми, а также между обществом и биосферой.

Однако я никогда не ограничивал своих усилий общественной и организаторской работой. Я испытываю давний и живой интерес к экологической философии и социальной теории. Я считаю, что невозможно переоценить значение глубоких и плодотворных размышлений о судьбах Земли. Нам нужны идеи, хорошие идеи, чтобы направлять нашу общественную активность. Именно это мы всегда стремились подчеркнуть в Институте социальной экологии, который я основал в 1974 г. совместно с Дэном Ходоркоффом и который всё ещё сохраняет свою силу сегодня.

В книге Родерика Нэша, о которой я уже упоминал, говорится, что мне «почти нет равных», когда дело касается «времени, потраченного на упорное копание в радикальной экологической теории»⁵³. Мне приятно думать, что это действительно так. Без лишней скромности могу сказать, что я был на «передовой» зелёной политической мысли. С 1952 г.

я написал более тридцати книг по социально-экологической теории, включая «Нашу синтетическую окружающую среду» (которая вышла на полгода раньше «Безмолвной весны» Рейчел Карсон), «К экологическому обществу», «Экологию свободы», «Современный кризис» и мою последнюю работу «Реконструкция общества: На пути к зелёному будущему». Также я обучил более 2 000 студентов в нашем институте и много ездил по стране со своими лекциями.

Поэтому я призываю людей: если вы чувствуете желание критиковать мои идеи, как, я полагаю, вам и следует, пожалуйста, будьте добры сначала прочесть мои работы и выслушать то, что я должен вам сказать. Я сейчас получаю от академической профессиональной аудитории много критических отзывов, написанных на основании только одной-двух статей или иногда просто слухов. Я не прошу, чтобы вы читали все мои материалы, – только то, что необходимо, чтобы дать ответственную оценку и критику.

И если вы прочтёте мои работы, вы обнаружите, что я не только профсоюзный активист, работавший на литейных и автомобильных заводах в ряде больших промышленных городов, не только революционный левый уже в течение 55 с лишним лет – я также в значительной мере разделяю экологический образ мыслей моих друзей-консервационистов в «Земля прежде всего!». Вас это удивляет? Откровенно говоря, я схожусь во взглядах с активистами «Земля прежде всего!» по многим вопросам. Думаю, что они и Дейв Формен делают во многих отношениях замечательную работу. Я с искренним сочувствием отношусь ко многим их кампаниям прямого действия в защиту дикой природы. Они – не террористы, как пытается убедить вас ФБР. Они делают важную работу, которую я горячо поддерживаю.

Хотя страницы моих работ усыпаны призывами в защиту дикой природы, люди могут не понимать, что я – «помешанный на природе». Я вовсе не проводил всё своё время на пикетах, митингах, в рабочем кабинете или библиотеке. Моя страсть к дикой природе и её обитателям – это страсть всей жизни. Начиная с моего детства, когда в Бронксе ещё сохранялись остатки древних лесов, я обожал исследовать природный мир. Я побывал почти в каждом национальном лесу и национальном парке Соединённых Штатов и во многих европейских, от Олимпика и Смоки-Маунтинс до немецкого Шварцвальда. Я исходил всю Аппалачскую тропу в промежутке от Вермонта до Теннесси. Большую часть тех двух лет, когда я преподавал в Нью-Джерси, я не мог провести ни одни свои выходные без восхождения на горы Рамапо. Я отношусь к ним с нежной любовью.

Одним из самых ярких моментов в моей жизни стало одиночное путешествие вглубь леса зимой, во время которого я мог замёрзнуть насмерть, если бы ненароком вывихнул себе лодыжку. Больше всего я сожалею о том, что теперь, когда мне под семьдесят и я страдаю от жестокой формы остеоартрита, я больше не могу путешествовать пешком по дикой местности. Сегодня мне приходится быть лишь робким воздыхателем. Если бы я мог, я лично встал бы плечом к плечу со всеми участниками «Земля прежде всего!», чтобы защищать дикую природу. В этом отношении между Дейвом Форменом и мной нет никакой противоположности, совершенно никакой!

Наше общество должно научиться жить в мире с планетой, с остальной частью биосферы. Мы полностью согласны в этом фундаментальном вопросе. Теперь нам приходится жить в

постоянном страхе того, что силы живого мира будут необратимо подорваны обществом, которое в своей безумной жажде роста органическое заменяет искусственным, почву – бетоном, лес – пустошью, а разнообразие жизненных форм – обеднёнными экосистемами; короче говоря, переводит часы эволюции назад, к более примитивному, неорганическому, минерализованному миру, неспособному поддерживать какие бы то ни было сложные формы жизни, включая человеческий вид. Весь живой мир, включая те немногочисленные, но восхитительные в своей первозданности места, что ещё остались на нашей планете, нуждается в защите. Более того, девственные ареалы должны быть расширены. По этому пункту между Дейвом и мной нет никаких разногласий.

Я согласен и с тем, что нам нужно найти рациональное решение проблемы народонаселения. Мировая человеческая популяция должна быть приведена в эффективное равновесие соответственно «допустимой нагрузке» на планету. Рано или поздно нам придётся иметь дело с бездумным размножением человечества. Однако для нас безусловно важно прежде всего чётко определить, что мы понимаем под такими терминами, как «перенаселение» и «допустимая нагрузка».

И вот здесь рассуждения некоторых глубинных экологов начинают меня пугать. Нам нужен такой подход к проблеме, который не имел бы ничего общего с газовыми камерами и расизмом. Я знаю, что значит принять на себя главный удар программы «контроля населения». Все мои родственники в Европе мертвы. Они погибли в нацистском Холокосте. Они были истреблены ради решения «проблемы народонаселения». Для Гитлера мир был бы перенаселённым, если хотя бы одного еврея оставили в живых.

Я никогда не считал участников «Земля прежде всего!» фашистами. Но у меня вызывают опасение определённые положения и заявления, тенденция которых напоминает мне речи, звучавшие пятьдесят лет назад, когда мир был охвачен фашистским движением, использовавшим «натуралистические» мальтузианские аргументы для оправдания расистской политики контроля населения. Это злоупотребление темой «перенаселения» – проблема не только исторического прошлого. Эту тему продолжают эксплуатировать. Достаточно посмотреть на то, что пытается делать рокфеллеровская свора в странах третьего мира. Это чрезвычайно опасный вопрос, и его необходимо обсудить со всей тщательностью и благоразумием, если мы намерены остановить расизм, сексизм и геноцид. Даже глубинные экологи, как Уорик Фокс, согласны с тем, что «чудовищно» говорить о СПИДе как о мере по регулированию населения или отказывать в помощи голодающим детям Эфиопии для того, чтобы «дать природе восстановить баланс»⁵⁴.

Так что я прошу всех вас, всех, участвующих в экологическом движении, крайне осторожно подходить к проблеме народонаселения. Это острая, очень острая тема. Не давайте одурачить себя разговорами, скрывающими истинные цели многих из тех, кто говорит о контроле роста населения. Я прошёл 30-е. Расовая империалистическая война и политика массового истребления стоили нам 60 миллионов жизней. Вещи такого рода – это не радикальная экология. Мы должны тщательно исследовать эту проблему, принимая во внимание оправданные страхи женщин и цветных людей, которые становились жертвами программ контроля населения в прошлом. Мы должны отыскать решение, которое будет гуманным и экологически целесообразным. Для нас важно разделить социальные аспекты

проблемы от чисто биологических и затем понять, как эти аспекты взаимодействуют друг с другом. Прошу вас, давайте будем осторожны. Мы можем договориться об этом?

Позвольте мне перейти к следующему пункту. Нравственная максима «Земля прежде всего!» заставляет нас охранять мир природы от наших же экологически разрушительных обществ, то есть в некотором смысле от нас самих. Но я должен спросить: кто эти «мы», от которых должен быть защищён живой мир? Этот вопрос также важен. «Мы» – это «человечество»? Это человеческие «особи» по существу? Это люди как таковые? Или же это наше конкретное общество, наша отдельно взятая цивилизация с её иерархическими общественными отношениями, которая мужчин противопоставляет женщинам, привилегированных белых – цветным людям, элиты – массам, эксплуататоров – рабочим, первый мир – третьему и, в конечном счёте, растущую подобно раковой опухоли индустриальную капиталистическую экономику – естественному миру и остальным формам жизни? Разве не здесь лежит корень всеобщего убеждения, что природа – это просто объект общественного доминирования, имеющий ценность лишь в качестве «ресурса»?

Либеральные энвайронменталисты, как и немалое число глубинных экологов, слишком часто твердят нам о том, что именно «мы» как вид, или, по крайней мере, «мы» как сплав «антропоцентричных» индивидуумов, ответственны за расстройство связующих нитей в живом мире. Я вспоминаю «экологическую» выставку, устроенную Музеем естественной истории в Нью-Йорке в 1970-е, где публике был представлен долгий ряд экспонатов, каждый из которых иллюстрировал примеры загрязнения и разрушения среды. Экспонат, закрывавший выставку, сопровождался потрясающей надписью: «Самое опасное животное на Земле». Он представлял собой просто-напросто огромное зеркало, которое отражало человека, стоявшего перед ним. Я помню чёрного ребёнка, смотревшего в это зеркало, пока белый школьный учитель пытался объяснить послание, которое так бесцеремонно хотел донести этот экспонат. Заметьте, на выставке не было экспоната, который представлял бы совет директоров корпорации, планирующих извести лес на горном склоне, или правительственных чиновников, действующих с ними в сговоре.

Одна из проблем этого асоциального, «видоцентричного» мышления, конечно же, заключается в том, что оно обвиняет жертву. Посмотрим правде в глаза: когда вы говорите, что чёрный ребёнок из Гарлема так же виноват в экологическом кризисе, как и президент «Эксон», вы позволяете уходить от ответа одному и возводите клевету на другого. Подобные рассуждения энвайронменталистов делают создание широкой коалиции почти невозможным. Угнетённые знают, что человечество сложным образом разделено на неравноправные группы, и закрывать на это глаза было бы непростительно. Чёрные люди хорошо понимают это, когда противостоят белым. Бедняк хорошо понимает это, когда противостоит богачу. Третий мир хорошо понимает это, когда противостоит первому миру. Женщины хорошо понимают это, когда противостоят патриархально настроенным мужчинам. Радикальное экологическое движение тоже должно это понимать.

Все эти пустые разговоры о «нас» маскируют реалии общественной власти и общественных институтов. Они маскируют тот факт, что общественные силы, растаскивающие по частям планету, – это те же силы, что угрожают дискриминацией женщинам, цветным людям, рабочим и обычным гражданам. Они маскируют факт исторической связи между тем, как

люди относятся друг к другу как общественные существа, и тем, как они относятся к остальной природе. Они маскируют факт того, что наши экологические проблемы – это фундаментальные социальные проблемы, требующие фундаментальных социальных изменений. Это я и подразумеваю под социальной экологией. Есть большая разница между тем, как относятся к природному миру люди, живущие в кооперативных, неиерархических, децентрализованных сообществах, и люди, живущие в иерархических, классовых, авторитарных массовых обществах. Аналогично, экологический эффект человеческого разума, науки и технологии в огромной степени зависит от типа общества, в котором эти силы формируются и приводятся в действие.

Возможно, самый важный вопрос, на который все направления радикального экологического движения должны дать удовлетворительный ответ, – это что мы имеем в виду, говоря о «природе». Если мы посвятили себя защите природы, важно ясно понимать, что значит для нас это слово. Природа, реальный мир – это по сути остатки дочеловеческой, незапятнанной биосферы Земли, которая теперь значительно сокращена и отравлена присутствием «чужеродных» человеческих особей? Это те безлюдные виды, которые открываются нам с горы? Это вселенская галерея живых существ, застывших в мгновении вечности, которых следует смиренно почитать, боготворить и оберегать от всякого человеческого вмешательства? Или же значение природы намного шире? Может, это эволюционный процесс, который идёт по нарастающей и включает в себя развитие человека?

Экологическое движение ни к чему не придёт, если оно не поймёт, что люди являются продуктом естественной эволюции не в меньшей степени, чем сине-зелёные водоросли, киты и медведи. Концептуально отделять людей и общество от природы, рассматривая человечество как изначально чуждую миру силу, – значит, с философской точки зрения, приходить либо к антиприродному «антропоцентризму», либо к мизантропическому отвращению в отношении людей. Не будем отрицать, подобная мизантропия действительно проявляется в определённых экологических кругах. Даже Арне Несс признаёт, что многие глубинные экологи «рассуждают так, будто они рассматривают людей как непрошенных гостей в чудесной природе»⁵⁵.

Мы – часть природы, итог долгих эволюционных странствий. Древние океаны в каком-то смысле текут в наших жилах. Будучи зародышами, мы в известной мере проходим своего рода биологическую эволюцию. И эволюции природы вовсе не противоречит тот факт, что спустя миллиарды лет после её начала появились существа, именуемые людьми, которые способны мыслить самыми изощрёнными способами. Наш мозг и нервная система не возникли внезапно, без долго созревавших предпосылок в естественной истории. То, что мы больше всего ценим и считаем неотделимым от нашей человечности, – наша необычная способность рассуждать на сложных концептуальных уровнях – берёт начало в нервной системе примитивных беспозвоночных, ганглии моллюска, спинном мозге рыбы, головном мозге амфибии и коре головного мозга примата.

Мы должны понимать, что человеческий вид эволюционировал как необычайно творческая, общественная форма жизни, которая организуется, чтобы обустроить для себя место в природе, а не просто приспосабливается к ней. Люди, их разнообразные общества и их

невероятная способность изменять окружающую среду – всё это не было изобретено группой идеологов, называемых «гуманистами», которые решили, что природа была «создана», чтобы служить человечеству и его потребностям. Безмерное могущество человечества стало итогом долгих эонов эволюционного развития и столетий культурного развития. Однако это исключительное могущество возлагает на нас огромную моральную ответственность. Мы можем поддерживать разнообразие, плодородие и богатство природного мира – того, что я называю «первой природой», – возможно, более сознательно, чем любое другое животное. Или же наше общество – «вторая природа» – может эксплуатировать всё многообразие жизненных форм и разрушать планету с ненасытностью и быстротой раковой опухоли.

Будущее, ожидающее живой мир, в конечном счёте зависит от того, какого рода общество, или «вторую природу», мы создадим. Это, вероятно, больше, чем любой другой отдельно взятый фактор, влияет на то, как мы взаимодействуем и как проникаем в биологическую, или «первую», природу. И не стоит заблуждаться: будущее «первой природы», первоочередная забота консервационистов, зависит от результатов этого взаимодействия. Главная проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня, в том, что социальная эволюция «второй природы» приняла неправильный оборот. Общество отравлено. Оно было отравлено тысячелетия назад, ещё до начала бронзового века. Оно было деформировано правлением старейшин, патриархов, воинов, иерархов всех видов, которое привело к нынешней ситуации, когда миру угрожают конкурентная, обладающая ядерным оружием, разделённая на национальные государства и феноменально деструктивная корпоративно-капиталистическая система на Западе и столь же деструктивная в плане экологии, хотя уже и рассыпающаяся, бюрократическая государственно-капиталистическая система на Востоке.

Мы должны создать экологически ориентированное общество из существующего антиэкологического. Если нам удастся изменить направление социальной эволюции нашей цивилизации, то люди смогут способствовать созданию действительно «свободной природы», где все наши человеческие способности – интеллектуальные, коммуникативные и социальные – будут поставлены на службу естественной эволюции, чтобы сознательно увеличивать биотическое разнообразие, преодолевать лишения, способствовать дальнейшему развитию новых, экологически ценных форм жизни, уменьшать воздействие аварий и катастроф, сокращать пагубные эффекты резких изменений. Наш вид, которому самой эволюцией дарованы творческие способности, смог бы исполнять роль пробудившегося самосознания природы.

Член аудитории:

“ Извините, мне хотелось бы знать, что вы можете сказать о таком технологическом решении, как генная инженерия? Я слышу, что вы говорите о других видах, других животных как о вспомогательных ступеньках в эволюции человеческого сознания, самосознания, которое вы называете «второй природой». Мне кажется, если мы склоняемся к такому мнению о других организмах, тогда нет причин сопротивляться их

генетической модификации для осуществления наших желаний. Какую духовную перспективу это представляет?

Мюррей Букчин:

У меня для вас удивительные новости. Я вовсе не думаю, что люди – повелители природы и что животные и другие формы жизни служат для них ступеньками. Прошу вас ещё раз: пожалуйста, читайте то, что я написал, и внимательно слушайте то, что мне приходится говорить. Долгие годы я защищал этику комплементарности. Комплементарность, в отличие от доминирования, предполагает обновлённое сознание, в котором присутствуют бескорыстное уважение к иным формам жизни и активная реакция на них в форме творческого, любовного, заботливого симбиоза.

Позвольте мне внести ясность. Я не доверил бы нынешним научным учреждениям разработку зубочистки, не говоря уже о том, чтобы позволить им баловаться биоинженерией. Я считаю, мы должны прекратить всю эту чушь немедленно. При современном общественном укладе научные учреждения морально неспособны работать с биотехнологией. Правда в том, что, исходя из текущей модели технологических инноваций, эти учреждения почти всё созданное ими будут использовать в дурных, порочных целях.

Я не пропагандирую взгляды, поддерживающие «природную инженерию». Мир природы, как я неоднократно подчёркивал в своих работах, слишком сложен, чтобы «контролироваться» человеческой изобретательностью, наукой и технологией. Мои собственные анархические наклонности привнесли в мои рассуждения любовь к спонтанности, будь то человеческое поведение или естественное развитие. Природную эволюцию нельзя лишать свойственной ей стихийности и плодовитости. Именно поэтому защита и расширение ареалов дикой природы всегда должны быть одним из направлений нашей борьбы.

Далее, давайте положим конец всем разговорам о том, что я одобряю жестокость по отношению к животным. Подобно всем остальным, я хотел бы видеть, если возможно, лекарство от рака, от болезней, причиняющих боль, и так далее, но поверьте мне, мучить животных во имя науки – это чудовищно. Это нужно остановить. Я недавно смотрел документальный фильм о том, что они делают, когда исследуют животных. Не поддаётся описанию то, что проделывает с животным человек, пишущий магистерскую диссертацию, чтобы просто доказать, что оно чувствует боль. Им ещё предстоит «открыть» этот факт? Вот уж действительно, великие умы за работой! Исследователей нужно лишить права истязать живых существ. Текущее положение дел ужасно.

Поэтому поймите, в этот момент, при нынешних обстоятельствах я – почти что луддит. Поясню свою мысль. Наше общество настолько аморально, что ему нельзя доверить ни одну разработку до тех пор, пока мы не будем способны сесть и решить, как экологически ответственное, экологически сознательное сообщество, каким образом мы собираемся разрабатывать и использовать нашу технологию. Нельзя сказать, что я выступаю против исследований или против технологии, но это общество недостаточно нравственно, чтобы

решать, что необходимо, а что нет.

Конечно, возможен и другой путь. Экологические технологии могут и должны быть развиты. Интересная работа в этой области проводилась последние 25 лет. Я лично проводил эксперименты с различными экотехнологиями, начиная с 1974 г., в Институте социальной экологии. Там мы строили солнечные коллекторы, ветряные генераторы, экологически спроектированные здания; мы занимались аквакультурой и органической агрикультурой, усиленной технически и технологически. Другие группы, такие как Институт новой алхимии, разрабатывали эти вопросы даже более интенсивно, чем мы. Я убеждён, что освободительная, экологически чистая технология возможна. Надеюсь, с этим мы все можем согласиться.

Если вы действительно прочитаете мои работы, то мы также сможем отбросить предположение, будто моё мировоззрение бездуховно. Это утверждение – полная бессмыслица. Любой, кто прочтёт «Экологию свободы», обнаружит, что эта книга постоянно призывает к новому экологическому сознанию, к новой духовности. В ней полностью признаётся необходимость духовной связи с миром природы.

Единственное возможное разногласие сводится к тому, получит это экологическое чувство естественную или сверхъестественную направленность.

Духовность может означать достойное и, более того, благотворное для нас самих отношение к природе и её тонким взаимосвязям, поэтому крайне важно, чтобы мы в экологическом движении не позволили этому представлению вырождаться в атавистическую, простодушную форму культа природы, заполонённую богами, богинями и, в конечном итоге, новой иерархией жрецов и жриц. Люди, верящие в то, что выход из экологического кризиса может быть найден в создании новой «зелёной религии» или же в возрождении древней веры в богов, богинь и лесных духов, – напускают мистический туман на нашу потребность в социальных изменениях. Тенденция поступать именно таким образом, заметная у многих глубинных экологов, экофеминисток и нью-эйдж-зелёных, беспокоит меня. Различие, которое я провожу между необходимой нам натуралистической духовностью и ненужной, потенциально вредной сверхъестественной «зелёной религией», полагаю, является ценным вкладом в теорию.

В заключение позвольте мне сказать, что я нахожу много точек соприкосновения между Дейвом Форменом и мной. Как я уже говорил ранее, мы должны оказывать поддержку «Земля прежде всего!» и её кампаниям прямого действия по сохранению того, что осталось от дикой природы. Дейв находится на переднем крае борьбы за это дело и, наряду с другими членами «Земля прежде всего!», заслуживает нашей полной поддержки, особенно сейчас, когда «Земля прежде всего!» подвергается атакам со стороны ФБР.

Мы не можем позволить ФБР оставаться безнаказанным после навешивания на радикальное экологическое движение ярлыка «террористов». Я участвовал в радикальной политике прямого действия всю мою жизнь. Я знаю, что значит попасть под удар ФБР. Я знаю, на что похоже это сборище психов. Людям, которые серьёзно занимаются защитой Земли, в скором времени придётся подняться против влиятельных энергетических компаний, крупных

корпораций, частных детективных агентств, местных департаментов полиции и ФБР. Я жалею лишь о том, что у меня нет физической возможности непосредственно участвовать в дерзких ненасильственных кампаниях прямого действия, таких как Лето секвойи.

Я также хочу сказать, что, по моему мнению, политические различия между Дейвом и мной во многом являются взаимодополняющими. Дейв и «Земля прежде всего!» работают над сохранением дикой природы; мы с соратниками пытаемся создать новую инициативную муниципальную политику, новую кооперативную экономику, новую модель науки и технологии, чтобы идти в одном направлении с их акциями прямого действия, демонстрациями, митингами и протестами в защиту дикой природы. Мы должны усвоить, что мы – разные стороны одного движения. Мы также должны по возможности в дружеском духе решать те принципиальные политические разногласия, которые действительно существуют между нами. По-видимому, в наших отношениях ещё остаются некоторые важные проблемы, которые должны быть изучены. Тем не менее, даже если мы не сможем полностью с ними разобраться, мы обязаны по крайней мере научиться тому, как лучше сотрудничать в тех вопросах, по которым мы можем договориться. От этого зависит наше будущее.

Дейв Формен:

Я согласен со всем, что только что сказал Мюррей, и чувствую, что мне остаётся только сесть на место. Не думаю, что смогу многое добавить к сказанному. Может показаться немного странным, что с Мюрреем соглашается человек, который начал свою политическую карьеру на первом курсе колледжа, участвуя в предвыборной кампании Барри Голдуотера в 1964 г.⁵⁶ И всё-таки я действительно пришёл к этому.

Позвольте мне начать своё выступление небольшим обзором моей собственной работы и позиции в экологическом движении. Пока что я умолчу о том, как мне удалось избавиться от своего недолгого увлечения голдуотеризмом. Всё, что я могу сказать в своё оправдание: тогда я не знал, что Голдуотер выступает за параноидальный антикоммунизм и раболепие перед крупным капиталом. Я думал, он говорит о возвращении к либертарной, джефферсоновской демократии.

Как бы там ни было, к началу 1970-х я успел поработать погонщиком мулов и подковать лошадей вплоть до северного Нью-Мексико, и меня всё больше беспокоило то, что повсюду происходило с национальными лесами. В конце концов, я решил вернуться в Альбукерке и попытаться получить степень в области биологии, чтобы влиться в движение за охрану природы. Я сразу же оказался вовлечён в разработанную Лесной службой США первую программу «Обзор и оценка бездорожных областей» (RARE), которая обернулась ужасным фарсом. Одновременно я изучал герпетологию, и нам полагалось выловить и замариновать 50 змей и ящериц до конца семестра. Но я изучал герпетологию потому, что мне нравились змеи и ящерицы, так что в итоге я бросил магистратуру в середине первого семестра и с тех пор стал профессиональным смутьяном-консервационистом.

Сначала, в 1973 г., я пошёл работать в Общество дикой природы за 250 долларов в месяц, как его представитель в Нью-Мексико; я медленно прокладывал себе путь, пока в конце

1970-х не стал его главным лоббистом в Вашингтоне. Пройдя администрацию Картера, когда правительство лоббировало нас больше, чем мы лоббировали его, когда казалось, чем больше влияния и возможностей мы приобретаем, тем охотнее идём на уступки, многие из нас начали задаваться вопросом: что случилось с природоохранным движением. В то время газеты и телекомпании поручали своим экологическим обозревателям заниматься другими темами, поскольку движение в защиту окружающей среды выглядело тускло. Нас также беспокоило то, что природоохранные группы становилось всё труднее отличить от корпораций, против которых им полагалось бороться. Я считаю, что если вы организованы как корпорация, вы начинаете мыслить как корпорация. Люди, которые когда-то получили работу в движении, будучи активными добровольцами, теперь больше были обеспокоены своей личной карьерой. Они не хотели раскачивать лодку, чтобы не упустить свой шанс когда-нибудь в будущем стать помощником сенатора или высокопоставленным чиновником в министерстве внутренних дел.

Чувствуя разочарование в связанном условностями природоохранном движении, некоторые из нас, кто работал в Обществе дикой природы, Сьерра-клубе и «Друзьях Земли», начали говорить о том, чтобы провозгласить фундаменталистское возрождение внутри экологического движения. Мы хотели вернуться к основам Джона Мьюира и Олдо Леопольда. И так однажды, во время похода по мексиканской пустыне, мы решили, что пора перестать говорить о том, как всё плохо, и начать действительно что-то делать.

Мы создали «Земля прежде всего!». Возможно, мы все просто переживали кризис среднего возраста. Я не знаю. Мы повеселились на славу, развешивая по внешней стороне плотины Глен-Каньон баннеры, из-за которых казалось, что она дала трещину. Это была одна из наших первых акций. Мы немножко валяли дурака и изображали из себя Койота экологического движения. Мы пытались всё делать с юмором. Видит Бог, большинству социальных движений в этой стране недостаёт чувства юмора. Это была одна из тех вещей, которые мы очень хотели привнести в нашу работу. Возможно, благодаря этому «Земля прежде всего!» приобрела гораздо больше популярности, чем мы когда-либо мечтали получить.

Развивая работу «Земля прежде всего!», мы стали изучать практику радикальной организации. «Земля прежде всего!» вышла из рядов мейнстримного природоохранного движения; в нём всё ещё остаются мои корни, и именно в нём я всё ещё вижу аудиторию, перед которой мне комфортнее всего выступать и на которую легче всего повлиять. Я думаю, величайшая сила и величайшее достижение «Земля прежде всего!» в том, что она сумела раздвинуть рамки общенациональных экологических дебатов. В начале администрации Рейгана Сьерра-клуб называли сборищем экологических экстремистов. Но мы в «Земля прежде всего!» положили этому конец.

В те дни существовало поле для дебатов, с архитекторами насилия над природой на одном конце и «Большой десяткой» природоохранных организаций на другом. Пытаясь быть убедительными, адекватными и респектабельными, консервационисты, не успев раскрыть рта, уже начинали идти навстречу архитекторам насилия. Закономерным итогом этого, естественно, было сужение поля дебатов, игравшее на руку крупным промышленникам. Поэтому мы в «Земля прежде всего!» попытались создать пространство для радикальной

экологической перспективы на самом крайнем фланге. И в результате того, что мы закрепили за собой репутацию непримиримых, бескомпромиссных почитателей дикой природы, склонных к саботажу и прямому действию, я думаю, мы позволили Сьерра-клубу и другим группам по-настоящему усилить свои позиции в сравнении с тем, что было прежде, и в то же время выглядеть более умеренными, чем когда бы то ни было. Всё изменилось, потому что теперь их сравнивают с нами.

Я думаю, что роль авангардной группы заключается в выдвижении идей, которые вначале оспариваются как нелепые и вздорные, но в конце концов просачиваются в мейнстрим и спустя время становятся общепризнанными. Мы были первыми, кто начал говорить о сохранении всех старовозрастных лесов. До нас ни одна из магистральных экологических групп даже не упоминала о них. Теперь мы видим, что Одюбоновское общество и Федерация дикой природы занялись этой проблемой. Мы были первыми, кто стал использовать тактику прямого действия в кампаниях по защите дождевых лесов. И теперь эта деятельность занимает одно из центральных мест.

Однако нам с самого начала было очевидно: мы – не само радикальное экологическое движение. Мы рассматривали себя лишь как одну из частей радикального экологического движения. Я знаю, что у меня нет абсолютного, полного и окончательного решения для выхода из мирового экологического кризиса, в котором мы находимся. Мой путь – не единственно верный путь; это путь, который ведёт меня вперёд. Я думаю, найдутся десятки других идей и подходов, и они понадобятся нам для того, чтобы преодолеть кризис, который мы сейчас переживаем. Нам необходимо такое разнообразие внутри нашего движения. Мы в «Земля прежде всего!» специализируемся на том, что у нас хорошо получается: на сохранении дикой природы и вымирающих видов. Это не значит, что другие вопросы не важны: мы просто предпочитаем говорить о том, о чём больше всего знаем. Мы работаем над тем, что представляет для нас особый интерес. Не стоит думать, что мы можем выполнить всю работу или охватить все вопросы. Нам потребуются все подходы и углы зрения.

Я должен также подчеркнуть: хотя я занимаюсь тем, в чём лучше всего разбираюсь, теми вопросами, которые затрагивают меня глубже всего, это не значит, что социальные проблемы, упомянутые Мюрреем, несущественны или что я не сочувствую им. Чёрт побери, я шесть раз был арестован за то, что вставал перед бульдозерами или лесовозами или иным способом боролся против промышленных гигантов, пытающихся разрушить наши национальные парки и национальные леса. Я думаю, моя книга «Экозащита: Полевой путеводитель по саботажу» – это, возможно, один из самых эффективных антикапиталистических памфлетов, что когда-либо были написаны. Я знаю, мы здесь обсуждаем радикальные, антикапиталистические социальные изменения.

Одна из причин, не дававших мне довести моё послание до конца, заключается в том, что я не могу спокойно смотреть на экологическую катастрофу, которая надвигается на нас со всех сторон, в то время как многие левые, постоянно твердящие о социальной справедливости, даже не видят проблемы и несколько не беспокоятся о других видах. Давайте признаем: прямо сейчас мы наблюдаем самое массовое вымирание за все три с половиной миллиарда лет истории жизни на этой планете. Реймонд Дасманн сказал, что

Третья мировая война уже началась и что она ведётся транснациональными корпорациями против Земли⁵⁷. В следующие 20 лет мы можем потерять треть всех живых видов из-за транснациональной алчности.

Я глубоко обеспокоен тем, что происходит с людьми во всем мире. И всё-таки, в отличие от большинства левых, я также очень обеспокоен тем, что происходит с миллионом других видов на планете, которые совсем не хотели, чтобы эта экологическая катастрофа свалилась им на голову. И я ощущаю связь, очень глубокую и эмоциональную, с теми другими видами. Я чувствую действительное родство с ними, так же как и с представителями моего собственного вида. И я согласен с тем, что, как указал Мюррей, очень сложно разделить эти проблемы друг от друга. Или, по крайней мере, так должно быть. Независимо от того, что нам больше по душе, симфония, которую исполняет стая диких гусей, или симфония, которую исполняет толпа, бурлящая в Нью-Йорке, – я думаю, нужно признать, что мы стоим на одной стороне.

К несчастью для меня, когда ты видишь такого рода экологический кризис и реагируешь на него, когда ты начинаешь строить предположения о том, что может случиться, если мы не образумимся и не изменим наш образ жизни на этой планете, то твои идеи могут прозвучать так, будто ты приветствуешь некоторые из этих вещей. Может показаться, что ты говоришь «так должно быть» вместо «так есть». Я думаю, проблема Кассандры сводится к попыткам дать понять, что ты предсказываешь некоторые вещи, потому что не хочешь, чтобы они произошли, потому что хочешь пробудить народ. Не то чтобы ты насмеялся над чьими-либо страданиями. Ты сострадаешь. Ты обеспокоен. Ты на стороне всех, кто стал жертвой международного империализма. Наверное, у меня вышло не так складно, как получалось до сих пор в моих рассуждениях по экологическим проблемам. Но для меня это очень насущные вопросы, и я глубоко обеспокоен ими.

Член аудитории:

“Мистер Формен, если вы мало-мальски настроены на то, чтобы связать проблемы социальной справедливости с вопросами экологической деградации и попытаться найти здесь общую почву, как вы согласуете этот новый тон с вашими неоднократными заявлениями в газете «Земля прежде всего!», что для защиты экологии Соединённых Штатов мы должны установить военный кордон на американо-мексиканской границе и не позволять этим, как вы выражаетесь, латиноамериканским ордам подавить нас?

Дейв Формен:

Мне кажется, вы никогда не читали того, что я писал! Я уже слышал, как циркулируют комментарии наподобие изложенных вами. Эд Эбби говорил что-то в таком духе, но я никогда не писал ничего о закрытии границы⁵⁸. Послушайте, я живу на Юго-Западе. Все мои родственники со стороны сестры – латиноамериканцы. Я много времени провожу в

Мексике и проявляю большой интерес к проблемам Центральной Америки. Я поддерживаю образование и законодательство на двух языках. Я также активно поддерживал Сандинистскую революцию в Никарагуа и выступал против внешней политики США в этом регионе.

Однако я думаю, что наступает время, когда мы должны задать непростой вопрос: будут ли работать стандартные политические решения? Я видел, что происходит с людьми, приезжающими с юга в Аризону, видел, как они эксплуатируются крупными корпорациями. Я вижу, что открытая граница служит предохранительным клапаном, который позволяет выбрасывать диссидентов из Латинской Америки и обеспечивать дешёвой, не состоящей в профсоюзе рабочей силой корпорации у нас дома. И я спрашиваю себя, что этим решается? Я думаю, мы обманываем себя, когда делаем вид, что, держа границу открытой, мы так или иначе решаем проблемы Латинской Америки.

Я не говорю держать границу на замке. Я не думаю, что это работает. Чёрт побери, я полностью солидарен с движением за право убежища для центральноамериканских эмигрантов. Я вижу репрессии и полицейское государство, созданное пограничным патрулём в Калифорнии. Но я полагаю, что мы заблуждаемся, когда придумываем простые решения сложных проблем. Дело не в закрытии или открытии границы. Я считаю, что перед нами стоит более глубокая проблема, для которой предстоит найти многоэтапное решение.

В первую очередь это, вероятно, потребует изменения внешней политики США. Я думаю, если мы собираемся помочь Латинской Америке в решении социальных и экологических проблем, мы должны убрать оттуда ЦРУ; мы должны убрать оттуда «Юнайтед фрут компани»; мы должны вернуть правительство Соединённых Штатов на такую позицию, которая не позволит им вмешиваться и поддерживать диктаторов, когда их собственный народ свергает их. Наше правительство поступало так в Гватемале, в Чили и всё ещё пытается сделать это в Никарагуа. Это лежит в основе большинства проблем. Как я говорил ранее, я был бы рад присоединиться ко всем вам, сидящим в пикетах перед местами высадки войск, когда они начнут вторжение в Никарагуа, которая сейчас определённо является самой прогрессивной и самой экологичной страной в Латинской Америке, несмотря на уступки, к которым правительство США продолжает принуждать сандинистов.

Мы все участвуем в битве за жизнь против капитала. Мы участвуем в борьбе за жизнь в равноправии вместо жизни в алчности и империализме. У нас одни и те же враги. Мы сражаемся в одной битве, независимо от того, что мы выдвигаем на первый план. Гиффорд Пинчо, первый директор Лесной службы США, сказал, что на Земле есть только две вещи: люди и природные ресурсы. Думаю, Дональд Трамп и Джордж Буш поправили бы его, сказав, что на Земле существует только одна вещь – природные ресурсы. Обычные люди становятся просто ещё одним «природным ресурсом» для большого империалиста. Мюррей прав. Это всё одна борьба.

Однако я должен сказать, что, при всём моём теоретическом понимании империализма, именно прямое столкновение с репрессивной машиной ФБР и кратковременное заключение в федеральной тюрьме по-настоящему заставило меня осознать, как приходится страдать народам всего мира. Небольшой личный опыт общения с карательной властью государства,

я полагаю, способен внушить гораздо большее сочувствие к угнетаемым группам по всему миру. Определённо, теперь, после того как ФБР наведальсь ко мне, я могу нутром почувствовать страдания людей.

С моей точки зрения, действия ФБР против меня начались около пяти утра 30 мая 1989 г. Доберман на нашей улице начал лаять, поэтому я вставил беруши. Примерно через два часа моя жена пошла открыть дверь, потому что к нам кто-то ломился, и, открыв, увидела шестерых человек с «магнумами» 357-го калибра, одетых в бронежилеты. Они сверкнули значками и оттолкнули её в сторону. После этого они побежали к нам в спальню – они уже успели разузнать, где она находится.

В этот момент я мало-помалу начал просыпаться, поскольку услышал незнакомый, но властный голос, выкрикивавший моё имя. Я, ещё с заложенными ушами и плохо понимая что к чему, открыл глаза. Май в Тусоне очень жаркий, и на мне ничего не было. И когда я проснулся, вокруг моей кровати стояли трое парней в бронежилетах с «магнумами» 357-го калибра. У такого будильника не найдётся кнопки, чтобы дать вам поспать ещё пять минут. Сначала я подумал, меня снимают скрытой камерой. Но до меня очень быстро дошло, что эти парни не шутят.

Тогда я начал вспоминать нападения ФБР на «Чёрных пантер», как, например, совершённое ФБР и полицией Чикаго убийство Фреда Хэмптона, которого застрелили в его собственной квартире, пока он спал. Я уже был уверен, что в меня полетят пули. Но, имея дело с приятным белым мужчиной из среднего класса, они не отделались бы так же легко, как в случае с Фредом или коренными жителями резервации Пайн-Ридж в начале 70-х. Так что они просто стащили меня с кровати. Мне дали надеть шорты и затем увели.

Я не знал, за что меня арестовали, пока шесть часов спустя не встретился с судьёй. По существу, произошло следующее: как мы потом узнали, ФБР потратило три года и два миллиона долларов, стараясь сфабриковать против участников «Земля прежде всего!» обвинение в попытке заговора с целью нанесения вреда государственному имуществу. Теперь нам достоверно известно, что ФБР внедряло в группы «Земля прежде всего!» по всей стране информаторов и агентов-provokаторов, стремившихся вовлекать людей в противозаконные действия. У них набралось 500 часов магнитофонных записей наших собраний, личных бесед и телефонных разговоров. Они также врывались в наши дома и офисы и неоднократно пытались запугивать экологических активистов в нескольких штатах, вызывая их на допросы и подвергая судебным преследованиям.

Днём ранее мои предполагаемые товарищи по заговору, три безоружных активиста, находясь возле опоры линии электропередачи, были арестованы полусотней вооружённых агентов ФБР, пеших, конных и на двух вертолётах. Между прочим, этих трёх активистов вёл к месту тайный агент ФБР, проникший в «Земля прежде всего!». Вся эта авантюра в значительной мере была его идеей. Он был единственным, кто говорил о взрывчатке. Я, разумеется, даже близко не стоял возле «сцены», но тем не менее ФБР описало меня как «финансиста, лидера и гуру, который привёл всё это в движение». Меня уподобили «главарю мафии», а трёх других обвиняемых представили моими «шестёрками».

Я прежде встречался с агентом ФБР только пару раз, и то мимоходом. Я не мог даже вспомнить его фамилию. Мы с ним никогда не составляли планов совместных действий. Но это не имеет значения для ФБР. Ещё в 1970-е годы ФБР разослало всем своим полевым отделениям циркуляр, где говорилось: когда вы пытаетесь развалить диссидентскую группу, вам не стоит беспокоиться о наличии доказательств или фактов. Просто набрасывайтесь на неё, проводите массовые аресты, выдвигайте нелепые обвинения, устраивайте пресс-конференцию – и это сразу будет подхвачено масс-медиа. Эта история попала в новости. Группе нанесён ущерб. Позже вы всегда можете отказаться от выдвинутых обвинений. Это не проблема. Это почти всегда привлекает меньше внимания в прессе. Чудовищная ложь, которую ФБР огласило на своей пресс-конференции через день после арестов, сводилась к тому, что мы были шайкой террористов, замышлявшей перерезать линии электропередачи на атомных электростанциях Пало-Верде и Дьябло-Каньон, чтобы вызвать расплавление ядерных реакторов, угрожающее общественному здоровью и безопасности.

Самое главное, что нам следует понимать, – Федеральное бюро расследований, созданное сразу после рейдов Палмера в 1921 г., с самого начала было предназначено для подавления политического инакомыслия внутри страны. Они редко преследуют преступников. Они – полиция мысли. И если говорить начистоту, в этом заключается суть всего правительства. «Первый закон правительства» Формена гласит, что цель государства и всех составляющих его элементов состоит в защите позиций экономической элиты и идеологической ортодоксии. К счастью, у этого закона есть дополнение – они не всегда достаточно умны и компетентны, чтобы привести свои планы в исполнение.

В этом случае, думаю, правительство США допустило серьёзную тактическую ошибку, поскольку даже обычно послушные масс-медиа не купились на рассказанную им историю. Наше дело получало на удивление беспристрастные отзывы в прессе. Кроме того, я недавно выступал на международной ассамблее Сьерра-клуба и получил потрясающий отклик. Люди просто отказываются верить во всё это. Поэтому я очень надеюсь, что мы преодолеем это препятствие, хотя нам, несомненно, придётся услышать ещё больше лжи от ФБР в будущем.

Прежде чем я закончу, позвольте мне ещё сказать, что я согласен с Мюрреем в том, что искажённая социальная эволюция нашей цивилизации оставила нам в наследство весьма странный взгляд на действительность. Я во многом согласен с Дейвом Эренфельдом, который даёт следующую характеристику господствующей идеологии современного мира: для неё люди являются мерой всех ценностей; для неё все проблемы можно решить либо техническими, либо социологическими средствами; для неё все ресурсы либо неисчерпаемы, либо имеют неисчерпаемые заменители; и для неё человеческая цивилизация будет существовать и развиваться вечно. И, по мне, всё это – совершенно несбыточный бред⁵⁹.

Я не вижу причин, божественных или каких-то ещё, по которым человечество, если только оно не очнётся ото сна, сможет избежать вымирания. Всё вокруг нас полно безумия. Экономист-республиканец Джулиан Саймон, к примеру, недавно говорил, что на самом деле нет никаких пределов экономического роста, поскольку мы, в конце концов, скоро будем способны преобразовать один элемент в любой другой⁶⁰. Поэтому добыча меди ограничена

только общей массой вселенной. Я не могу даже начать разговор с человеком вроде него. Я хочу сказать, мы не просто говорим на разных языках – мы живём на разных планетах в разных измерениях.

Именно такое общераспространённое безумие я считаю в корне иррациональным. Я много говорю о нерациональном поведении, об использовании всех отделов нашего мозга, включая старую добрую кору, унаследованную нами от рептилий. Но я думаю, что нет ничего более рационального и осмысленного, чем напоминать себе время от времени первое правило грамотного ремонта, сформулированное Олдо Леопольдом: берегите все детали. Мы не бережём детали. Виды и целые экосистемы уничтожаются в масштабах, не имеющих параллелей в истории Земли. Это всё равно что проехаться бульдозером по сложно устроенным швейцарским часам.

Мой собственный ответ на эту ситуацию – что-то вроде странного, по-ковбойски закрученного дзэн-буддизма. Я больше не верю в преобразование системы. Я верю, что нужно её саботировать, создавать ей всяческие помехи и подталкивать её к падению, используя накопленную ею энергию против неё самой. Когда люди говорят мне об уничтожении собственности, о недопустимости повреждения бульдозеров, всё, что я могу им ответить: бульдозер сделан из железной руды. Он – часть Земли. Бульдозер – это Земля, которую обратили в монстра, чтобы разрушать саму себя. Выводя его из строя, вы освобождаете дхарму бульдозера и возвращаете его Земле.

Насколько я могу судить, мы с Мюрреем, оба, по-видимому, атеисты, разными способами пытаемся помочь индустриальной цивилизации найти собственную дхарму и стать эгалитарным, в большей степени племенным обществом, которое уважает людей и, опять же, уважает Землю.

Глава 2. Экология и левые

Пол Макайзек:

Те из вас, кто следил за публикациями в газете «Земля прежде всего!» и читал работы Мюррея или кто посетил множество конференций зелёных, уже поняли, что в радикальном экологическом движении на протяжении последних нескольких лет велись горячие и часто резкие дискуссии, и в этом идейном конфликте Мюррей и Дейв играли не последнюю роль. Мне кажется важным то, что они оба сейчас стоят на одной сцене и что они с таким чувством обращались друг к другу в своих вступительных замечаниях. Наверное, теперь мы можем с пользой для себя обратиться к тем разногласиям между ними, которые были видны в их прошлых выступлениях и публикациях. Сейчас я хочу остановиться лишь на одном расхождении и спросить, как различаются их взгляды на роль, которую должны играть в экологическом движении те, кого я, за неимением лучшего определения, называю левыми.

Когда я был в Орегоне, однажды ночью я ужинал с несколькими «землянами», и этот спор возник в нашей группе. Одна из женщин, Джуди Бари, была родом с Восточного побережья и вышла из рядов левого движения. Когда она переехала в Калифорнию и затем в Орегон, она была вовлечена в «Земля прежде всего!». Теперь она – весьма активный и успешный организатор «Земля прежде всего!» в той области. Интересно, что она, опираясь на свои левые традиции, проследила эпическую историю «Индустриальных рабочих мира» на Северо-Западе, чтобы понять, что они делали и как они работали; чтобы посмотреть, может ли их организация дать какой-то урок сегодняшнему радикальному экологическому движению.

Рассматривая организационную ситуацию «Земля прежде всего!» с радикальной пролетарской точки зрения, она пришла к пониманию того, что если мы сократим наше потребление древесины, остановим вывоз сырых лесоматериалов в Японию и другие страны Тихоокеанского региона и прекратим вырубку старовозрастных лесов, мы тем самым создадим необходимость в переквалификации рабочих и даже в совершенно новом типе экономики. Согласно Джуди, это заставляет «Земля прежде всего!» вплотную заняться вопросами рабочего контроля и создания децентрализованной лесной промышленности, которая работала бы в гармонии с природой. Это значит думать о рабочих местах для людей и быть чутким к опасениям рабочих.

Слушая Джуди, я заметил, что у другого организатора «Земля прежде всего!», сидевшего за столом, с началом диалога глаза, как мне показалось, затуманились. В ходе беседы стало ясно, что он либо не понимал, либо не хотел иметь дела с левой традицией уобблиб1, либо чувствовал себя неуютно во всех этих разговорах о рабочем классе. Для него лесорубы были аморальными, антропоцентричными. Они в той же мере были частью экологической проблемы, что и лесозаготовительные компании.

Поэтому я спрашиваю вас обоих: может ли левая традиция что-либо предложить радикальному экологическому движению? Я знаю, Дейв Формен говорил, что традиция левого радикализма основывается на языке, образе мыслей и способе действий, которые нам следует отбросить, чтобы двигаться дальше. Мюррей, с другой стороны, представляет популистское, либертарное крыло левой традиции. Он называет себя эконоархистом. Он всеми силами продолжает левую традицию и призывает других делать то же самое. Не так давно он помог основать Сеть левых зелёных, которая призвана служить сознательным голосом левых внутри широкого зелёного движения. Что каждый из вас может сказать по этому вопросу? Какова ценность левой традиции для радикального экологического движения?

Дейв Формен:

Что ж, должен признать, я пришёл из совсем другой традиции, которая активно враждебна по отношению к левым. Как я уже сказал, я начинал с кампании в поддержку Барри Голдуотера в 1964 г. Это казалось вполне естественным для человека, чей отец служил в военно-воздушных силах. Кроме того, в 1960-е я был председателем отделения «Молодых американцев за свободу» в Нью-Мексико. Правда, стоит оговориться: я был в анархистской фракции МАС. Мы ненавидели Уильяма Ф. Бакли⁶², этого мелкого слащавого придурка. Даже в то время, когда я ещё был девятнадцатилетним паршивцем из МАС в кампусе Университета Нью-Мехико, я не мог вынести Уильяма Ф. Бакли. От этого парня меня просто выворачивало.

Всё-таки тогда я действительно принимал на веру большую ложь времён Холодной войны, что где-то там существует глобальный коммунистический заговор, грозящий уничтожить нашу свободу. Хотя по-настоящему меня привлекала либертарианская риторика Голдуотера. Вас бы удивило, сколько я знаю людей, которые в колледже работали на Голдуотера, а теперь стали радикалами.

Война во Вьетнаме пробудила у меня сомнения относительно моих убеждений, однако эти сомнения не слишком меня мучили, пока в 1968 г. я не закончил колледж. В то время либо вы сами шли в армию, либо вас призывали. Так что я поступил в офицерскую кандидатскую школу морской пехоты в Квантико. Я учился там в одно время с Олли Нортон⁶³, хотя мы никогда и не сталкивались друг с другом. Я прослужил в морской пехоте всего 61 день. Ещё 31 день я провёл в одиночном заключении на гауптвахте.

Комендант школы в Квантико сказал мне, что я был худшим курсантом в истории морской пехоты; теперь это выглядит как довольно неплохой комплимент. Я очень быстро обнаружил, что ни в морской пехоте, ни в людях, которые сражались во Вьетнаме, не было и тени либертарианства или джефферсонизма. После своего отчисления я вернулся в Нью-Мексико, к величайшему горю моего отца. Он предпочёл бы, чтобы я погиб во Вьетнаме, нежели навлёк позор на семью (хотя с тех пор мы восстановили отношения). Вдобавок я стал активно участвовать в антивоенном движении Университета Нью-Мексико и произнёс несколько речей против вербовки в ЦРУ и войны. Это, безусловно, было удачным приобретением для университетских радикалов – заполучить одного из ведущих «ястребов», вернувшегося в кампус из морской пехоты и перешедшего на другую сторону.

После этого у меня были не всегда тёплые отношения с левыми. Я разделяю многие положения левых, но всё же подхожу к политическим проблемам с несколько иной стороны. Долгие годы преобладающей политической и философской традицией для меня было американское консервационистское движение. Мои герои – Генри Дэвид Торо, Джон Мьюир, Олдо Леопольд и Боб Маршалл. На все упрёки в моём невежестве по отношению к левым могу ответить, что и многие левые никогда всерьёз не рассматривали идеи этих людей. Уверен, наши традиции пересекаются, но они также имеют различия.

Я родом с открытых просторов Нью-Мексико. Я приехал не из городских центров Востока, где левая традиция гораздо сильнее, чем на Юго-Западе. Левая традиция не относится к вещам, которые я хорошо понимаю. Левые часто говорят немного на другом языке, чем я. Это не значит, что мы должны бороться; это значит лишь, что мы обращаем внимание на разные вещи.

Я действительно думаю, что мы можем многому научиться друг у друга. Мне необязательно считать себя левым. Можно сказать, я не хочу компрометировать левое движение своим сотрудничеством. Но я на самом деле с большим сочувствием отношусь к этому движению и продолжаю извлекать уроки из моих порой неуклюжих танцев с левыми.

Когда мы в 1980 г. создали «Земля прежде всего!», мы сознательно старались учиться стратегии и тактике у многочисленных левых общественных движений. Уоббли, несомненно, являлись одной из групп, которые нас привлекали. Я даже издал «Маленький зелёный песенник», по примеру «Маленького красного песенника» ИРМ. Я беседовал с Ютой Филлипс и некоторыми старыми уоббли; меня действительно заинтересовало многое из того, что они говорили.

В таком месте, как Орегон, где мы видим огромные транснациональные корпорации, по преимуществу практикующие политику «вырубай и бросай», хорошая доза левого, антикапиталистического анализа может помочь нам понять ситуацию. Эти компании, одержимые прибылью, ни черта не заботятся об общественной стабильности или занятости. Они планируют свернуть бизнес через десять лет после того, как они извели леса на Северо-Западе. Они имеют достаточно капитала, чтобы переехать куда-нибудь ещё, где они смогут выращивать сосны, как кукурузу в Айове.

Я полностью согласен с тем, что нам нужно убрать крупный капитал из лесной отрасли и предоставить место небольшим коллективным предприятиям. Я вносил подобное предложение по Тихоокеанскому Северо-Западу 4 или 5 лет назад. Моё предложение заключалось в том, чтобы запретить в национальных лесах любые лесозаготовки, кроме осуществляемых небольшими местными компаниями, предпочтительно находящимися в собственности рабочих. Кроме того, этот план требовал предоставить определённое количество рабочих мест на каждые 2 тысячи кубометров, как в лесах, так и на фабриках. На данный момент мы заготавливаем в национальных лесах столько же древесины, сколько и всегда, но количество людей, занятых в заготовке и обработке, составляет около половины от обычного. И причина этому – в автоматизации, поскольку крупные компании таким путём смогут заработать больше денег.

Сейчас мы получаем из деревьев, срубленных в национальных лесах, где-то около 26–28 млн кубометров древесины в год, однако крупные лесозаготовительные компании ежегодно отправляют в Японию около 23,5 млн кубометров грубо разделанных брёвен. Другими словами, почти вся продукция из национальных лесов нераспиленной, необработанной отправляется в Японию. Компании экспортируют рабочие места вместе с деревьями. Так что, если вы хотите вникнуть в эту ситуацию, вам потребуется анализ транснационального капитализма, анализ движения капитала и его влияния на наше общество.

Одна из самых моих больших претензий к рабочим на Тихоокеанском Северо-Западе – то, что большинство из них «классово несознательны». Это большая проблема. Слишком многие рабочие обвиняют защитников окружающей среды в том, что им приходится расплачиваться своими рабочими местами. Но по чьей вине им приходится расплачиваться? Не из-за консервационистского движения, защищающего девственные леса, исчезают рабочие места на Тихоокеанском Северо-Западе, а из-за алчности транснационалов.

Мы легко можем увеличить занятость и стабильность на Тихоокеанском Северо-Западе и без вырубки старовозрастных лесов. Но как вы объясните это основной массе рабочих, у которых в голове засело то, что напевают им компании: природоохранное движение против них, и если они будут послушны, если они будут сопротивляться нам, то всё будет замечательно?

История уоббли и других левых профсоюзных движений, несомненно, может многому научить нас в плане организации рабочих. С другой стороны, у меня вызывает большое затруднение то, что левые склонны романтизировать рабочих и рассматривать их только как жертв. Да, лесорубы – жертвы несправедливой экономической системы, но это не должно оправдывать всего, что они делают. Из тяжести вины капиталистов ещё не следует, что все рабочие невиновны в уничтожении природной среды. Я думаю, мы должны считаться с тем фактом, что промышленные рабочие, вообще говоря, отчасти разделяют вину за продолжающееся разрушение Земли.

Я хочу, чтобы рабочие больше сопротивлялись, чтобы они стали более боевыми и чтобы они не были такими усердными и ревностными прислужниками крупного капитала и не слушали всё время его пропаганду. Слишком многие рабочие принимают точку зрения своих хозяев, что Земля – это шведский стол доступных ресурсов. Более того, иногда именно крепкий парень из народа, матёрый трудяга от станка, так воспеваемый в преданиях уоббли, самым насильственным и разрушительным образом относится к миру природы (а заодно и к тем, кто желает его защитить). Я не думаю, что будет разумно возводить рабочий класс, как и любую другую угнетаемую группу, на пьедестал, не позволяя никому критиковать его или сомневаться в нём.

Но больше всего меня огорчает в левых, конечно же, то, что они серьёзно недооценивают значение естественных экосистем, девственных местностей и дикой природы. Наше общество, наша цивилизация не имеет божественного мандата или права, позволяющего мостить, покорять, контролировать, развивать, использовать или эксплуатировать каждый квадратный дюйм этой планеты. В лучшем случае, если левые вообще уделяют хоть какое-то внимание экологии, они поступают так, чтобы защитить бассейн реки, воды которой

используются в земледелии, промышленности и домашнем хозяйстве. Они поступают так, чтобы предоставить нам хорошее место, где мы можем очистить наши мозги от паутины после долгой недели, проведённой на автозаводе или за компьютерным терминалом. Они поступают так, потому что этим они сохраняют возможность добычи ресурсов для будущих поколений людей или потому что какое-то неизвестное растение, затерянное в глуши, может оказаться лекарством от рака. Они поступают так, потому что природа имеет техническую ценность для человека. Подавляющее большинство сегодняшних левых всё ещё неспособно воспринимать мир природы как часть жизненного цикла, которая заслуживает открытого нравственного отношения, вне всякой связи с действительной или предполагаемой практической ценностью для человеческой цивилизации.

Большинство левых стоят за экологические начинания, такие как сохранение дикой природы или биологического разнообразия, только на том условии, что мы сможем осуществить их без негативных последствий для материального «уровня жизни» какой-либо группы людей. Земля в их мыслях всегда на втором месте и никогда – на первом. Это делает многих левых ненадёжными союзниками в экологической борьбе. Очевидно, что вещи, которые на первый взгляд отвечают краткосрочным интересам человечества в целом – либо избранной группы людей, либо отдельных личностей, – порой наносят краткосрочный или долгосрочный ущерб здоровью биосферы (и часто даже ухудшают действительное долгосрочное благосостояние людей). Левые, в той степени, в какой они избегают оказывать давление на людей, чтобы приспособить их образ жизни к планетарному живому сообществу, составляют часть проблемы, а не часть решения экологического кризиса.

Это, пожалуй, наиболее ясно проявляется в отказе большинства левых признавать, что существует кризис народонаселения и что мы должны снизить численность человеческой популяции в длительной перспективе. Левые сводят все проблемы дефицита ресурсов к неправильному распределению и торгашеству транснациональных корпораций. В этом, конечно, много правды. Вопиющая непропорциональность в распределении богатств и предметов первой необходимости среди людей является фактом, и она должна быть преодолена. Тем не менее, даже если проблема справедливого распределения будет решена, существование пяти, семи или одиннадцати миллиардов человек, перерабатывающих природный мир в материальные блага и продукты питания, ставит долгосрочную устойчивость человеческого общества под вопрос. Большая часть левых не понимает этого простого экологического факта.

Некоторые, конечно же, понимают. Зелёные сделали устойчивое развитие человеческого общества краеугольным камнем своей политической концепции. Но всё же, с моей точки зрения, этого недостаточно. Для меня проблема не просто в том, чтобы выяснить, как удерживать народонаселение на уровне, который может обеспечить биологическую устойчивость при сохранении справедливых показателей потребления. Я верю, что экологическое сообщество стоит ценить не только за то, что оно может предложить людям. Другие существа, животные и растения, и даже так называемые «неодушевлённые» объекты, как реки, горы и девственные местообитания, ценны по своей природе и существуют ради самих себя, а не ради удобства человеческого вида. Если мы настроены серьёзно, то, в целях создания экологического общества, мы должны будем найти гуманные способы привести население планеты к уровню, который позволит медведям, тиграм,

слонам, обитателям тропических лесов и других природных ареалов процветать так же, как и людям.

Это, без сомнения, потребует от нас снизить текущую численность нашего населения, которое, даже если бы мы преуспели в искоренении бедности и несправедливости, вероятно, продолжало бы уничтожать естественное разнообразие биосферы, эволюционировавшей 3,5 миллиарда лет. Я подписываюсь под принципом глубинной экологии, гласящим, что «процветание человеческой жизни и культуры совместимо с существенным уменьшением народонаселения, а процветание нечеловеческой жизни требует такого уменьшения»⁶⁴. Левым предстоит пройти долгий путь, чтобы включить этот принцип в свои взгляды. До тех пор левые, переходя от прозрений к заблуждениям, будут оставаться сомнительным подарком для экологического движения.

Я также вижу проблему в организаторском стиле левых. Многие радикальные активисты – это мрачная, ханжеская, лишённая чувства юмора компания. Ещё временами они кажутся сверхрациональными. Не поймите меня неправильно. Рациональность – замечательный и полезный инструмент, но это просто инструмент, способ обрабатывать материалы. Не менее важно интуитивное, инстинктивное понимание. Часто мы, спокойно сидя на природе, постигаем вечные истины лучше, чем читая книги в библиотеке. Чтение книг, логические рассуждения, сбор фактов и цифр – всё это важно и необходимо, но это не единственный путь к осмыслению мира и наших жизней. И ещё одна старая история: как левые строят расстрельную команду? Они становятся в круг и стреляют внутрь. Я думаю, печально, что, вместо того чтобы бороться против Джорджа Буша и «Эксон», нам часто легче спорить с людьми, которые находятся в одинаковом положении с нами.

В своих лучших проявлениях стиль «Земля прежде всего!» открывает дорогу вперёд, и левые поступили бы мудро, если бы учились на его примере. Мы восстаём против системы не потому, что мы недовольны жизнью. Мы боремся за красоту, за жизнь, за радость. Мы приходим в восторг, увидев красоту природы в лучах солнца, мы улыбаемся цветку и колибри. Мы смеёмся. Мы смеёмся над нашими противниками – и смеёмся над самими собой. Мы готовы позволить, чтобы все детали нашей философии вырисовывались в наших действиях, вместо того чтобы вести бесконечные дебаты по нашей программе. Мы готовы сейчас же взяться за дело, делать ошибки, учиться, потому что мы в пути.

Подводя итог всему сказанному, я думаю, что мы в радикальном экологическом движении нуждаемся в более здоровом отношении к разнообразию, соединённом с готовностью учиться у всех традиций, составляющих наше движение. У нас есть базис для общей перспективы, достаточно широкой, чтобы вместить в себя разные проекты и подходы. Я признаю тот факт, что существует много вещей, которым я могу научиться у левых. Но я также верю в то, что и левые могут кое-чему поучиться у меня, «Земля прежде всего!» и всего консервационистского движения. Давайте учиться друг у друга.

Мюррей Букчин:

Видите ли, я был левым задолго до того, как стал экологом. Я состоял в Молодёжной коммунистической лиге с 1934 г. Я был участником того самого «международного

коммунистического заговора», который так сильно пугал Дейва. И, я добавил бы, не без некоторого основания. Сталинизм – это порочная идеология, и ленинизм немногим лучше.

Как и в случае Дейва, личные переживания, вызванные ужасами войны, заставили меня подвергнуть сомнению мои юношеские политические убеждения. Вьетнамской войной моего поколения была Гражданская война в Испании, или, как я теперь предпочитаю её называть, Испанская анархическая революция. В то время мы не знали о ней – в изложении коммунистов Гражданская война в Испании сводилась к героической борьбе между либеральной демократией левой ориентации и фашистскими военными формированиями, – однако, как я узнал позднее, правда заключалась в том, что выступление испанских рабочих и крестьян, решивших дать отпор военному мятежу Франко, было, вероятно, самой масштабной и радикальной анархической революцией в истории⁶⁵.

Даже сегодня немногие знают её историю. С 1936 по 1939 год, вплоть до окончательной победы Франко, во многих городах, включая Барселону, Валенсию и Алькой, была установлена система рабочего самоуправления. Повсюду фабрики, инфраструктура, транспортные средства, даже заведения розничной и оптовой торговли были взяты под контроль и управлялись рабочими комитетами и профсоюзами. Крестьяне Андалусии, Арагона и Леванта устанавливали коммунальную систему землевладения, в некоторых случаях отменяя использование денег для внутренних сделок, утверждая принципы свободного производства и распределения и вводя порядок принятия решений, основанный на народных собраниях, прямой демократии и личном взаимодействии.

Хотя в то время мы не знали о подлинном размахе этой революции, я, наряду с другими, начал замечать, что Коммунистическая партия Испании, действуя по приказам Сталина, манипулировала советской материальной помощью и продавала борющийся против фашистов испанский народ, потому что коммунисты боялись революционного анархического движения даже больше, чем победы Франко. Я не буду утомлять вас деталями, но многие радикалы моего поколения увидели, что, к нашему ужасу, сталинизм в конечном счёте оказался контрреволюционным. Для меня это означало на короткое время стать троцкистом. Троцкисты были единственной заметной революционной левой группой в Нью-Йорке, которая бросала серьёзный вызов сталинизму, по крайней мере так мне казалось.

В итоге я, разумеется, стал анархистом. Я увидел в анархизме совершенно новую философию и стратегию революции. Если марксисты полностью сосредотачивались на фабрике и добивались «индустриализации» и «пролетаризации» крестьянства, согласно их главной стратегической установке, то анархизм шёл совсем другим путём. В Испании, например, они искали в деревне докапиталистические общинные традиции, подпитывали в ней то, что было жизнеспособным, развивали её революционный потенциал взаимопомощи и самоуправления и побуждали её выступать против слепого повиновения, иерархического мышления и авторитарного мировоззрения, привитых индустриальной фабричной системой.

Этот ход мыслей довольно быстро привёл меня к левизне, которая гораздо лучше согласуется с североамериканской революционной традицией. Подумайте на секунду, что произошло бы в этой стране, если бы концептуальная демократия местных собраний была развита в противовес аристократическому тяготению к иерархии; если бы упор был сделан

на политическую свободу вместо экономики свободного рынка; если бы индивидуализм стал этическим идеалом, вместо того чтобы застывать в болезненном собственническом эгоизме; если бы республика Соединённых Штатов постепенно была преобразована в конфедеративную демократию; если бы концентрация капитала сдерживалась кооперативами и небольшими предприятиями, находящимися под контролем рабочих; и если бы средний класс объединился с рабочими в подлинно народном движении, подобном тому, которого стремились достичь популисты⁶⁶. Если бы эта североамериканская версия анархического общества вытеснила евросоциалистическую модель национализированной плановой экономики и централизованного государства, было бы сложно предсказать то новаторское направление, которое могло бы получить американское левое движение.

И я призываю радикальное экологическое движение больше узнавать об этой левой либертарной традиции, искать в ней вдохновение и, конечно же, опираться на неё. Я полагаю, однако, что даже этой традиции будет недостаточно в качестве путеводной нити для зелёной политики. Мы всё ещё должны развить действительно экологическую перспективу. Действительных прав насчёт этого. В этом отношении мы с ним не могли бы быть более единодушными. Больше невозможно всерьёз говорить о «новом» или «радикальном» обществе, не приспособив при этом наши общественные отношения, институты и технологии к экологическому сообществу, вмещающему в себя наше общество.

Самое труднопреодолимое различие между социальной экологией и традиционными левыми в том, что последние, сознательно или неосознанно, принимают «господство над природой» как объективный, исторический императив. Вслед за Марксом большинство левых верят, что «господство человека над человеком» является, или, по крайней мере, являлось, исторически неизбежным злом, возникшим непосредственно из объективной потребности человека «господствовать над природой». Либералы, социал-демократы, марксисты и немалая часть классических анархистов приняли господствующий в современной цивилизации взгляд на мир природы как «слепой», «безгласный», «жестокий», «конкурентный» и «скаредный». И больше всего беспокоит меня само представление о том, что в лице природы человечество сталкивается с враждебной «инаковостью», которой оно должно противопоставить всю силу своего труда и хитроумия, прежде чем вознестись от «царства необходимости» к новому «царству свободы».

Именно этот взгляд на природу позволил Марксу одобрительно отзываться о капитализме как о прогрессивной силе в истории. Для Маркса капитализм был прогрессивным, поскольку он избавил людей от «обожествления» природы и самодостаточного удовлетворения существующих потребностей, которые были заключены в чёткие рамки. Капитализм для многих сегодняшних левых, осознают они это или нет, является исторической предпосылкой освобождения людей. Не будем заблуждаться на этот счёт: Маркс, как и большинство социальных теоретиков современной эпохи, был убеждён в том, что человеческая свобода требует, чтобы природный мир стал «всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью», подчиняющейся «человеческим потребностям»⁶⁷.

Учитывая этот идеологический фон, не стоит удивляться тому, что большинство левых, которые действительно интересуются проблемами окружающей среды, делают это из чисто утилитарных соображений. Такие левые полагают, что наша забота о природе основана

исключительно на личной выгоде, а не на ощущении единства живого сообщества, в котором мы являемся лишь частью, хотя и весьма своеобразной. Это – до неприличия инструментальный подход, отражающий серьёзное расстройство нашего этического чувства. Принимать такую аргументацию – значит ни больше ни меньше как утверждать, что наше отношение к природе остаётся нравственным, пока мы можем с успехом грабить её без какого-либо вреда для нас самих.

Я в корне отвергаю эту идею. Социальная экология – левое либертарное направление, которое не может принять этот пагубный взгляд. Вместо этого социальные экологи призывают создать подлинно экологическое общество и развивать экологическое сознание, с глубоким уважением относящееся к природному миру и творческим усилиям естественной эволюции. Мы не собираемся подрывать мир природы и нарушать естественный ход эволюции, даже если нам удастся найти «работающие» или «идентичные» синтетические или механические заменители для существующих жизненных форм и экологических отношений.

Социальные экологи, основываясь на многочисленных антропологических данных, доказывают, что современный взгляд на природу как на враждебное, неуступчивое «иное» исторически возникает как проекция деформированных, иерархических общественных отношений на остальной мир. Очевидно, что в неиерархических, органических, племенных обществах природа обычно рассматривается как щедрый источник жизни и благосостояния. Более того, в ней видят сообщество, к которому принадлежит человеческий род. Таким образом создаётся совсем другая экологическая этика, чем в сегодняшних стратифицированных и иерархических обществах. Это объясняет, почему социальные экологи постоянно подчёркивают необходимость воссоздания гармонических общественных отношений, которые являются фундаментом для глубокого и долгосрочного решения экологической проблемы. Это – существенный элемент в восстановлении взаимодополняющих этических отношений с нечеловеческим миром.

И давайте проясним ещё одну вещь. Мы говорим не просто о прекращении классовой эксплуатации, чего требует большинство марксистов и что, безусловно, важно. Мы говорим об искоренении всех форм иерархии и доминирования, во всех сферах общественной жизни. Конечно, непосредственный источник экологического кризиса – капитализм, но социальные экологи добавляют к этому более глубокую проблему, таящуюся в самом сердце нашей цивилизации, – существование иерархий и иерархической ментальности или культуры, которая предшествовала возникновению экономических классов и эксплуатации. Ранние радикальные феминистки 1970-х, которые первыми подняли проблему патриархата, ясно это понимали. Антииерархический подход феминизма и социальной экологии может многому нас научить. Нам нужно искать корни институционализированных систем принуждения, командования и повиновения, которые существуют в наши дни, но возникли ещё до появления классового общества. Иерархия не обязательно должна быть экономически мотивированной. Мы должны посмотреть за рамки экономических форм эксплуатации, на культурно обусловленные формы доминирования, существующие в семье, в отношениях между поколениями, полами, расовыми и этническими группами, во всех институтах политического, экономического и социального управления и не в последнюю очередь – в том, как мы воспринимаем действительность в целом, включая природу и других

живых существ.

Я верю, что цвет радикализма сегодня – не красный, а зелёный. Я даже могу понять, учитывая экологическую безграмотность значительной части традиционных левых, почему многие зелёные активисты определяют свою позицию как «ни слева, ни справа». Первоначально и я хотел действовать под этим лозунгом. Я не знал, были ли мы «впереди», как утверждает этот лозунг, но я, по крайней мере, хотел двигаться дальше к чему-то новому, о чём традиционные левые могли лишь гадать. Действительно, мало кто бывал таким же бескомпромиссным в своей критике классической «парадигмы» социализма, каким был я.

Однако со временем я пришёл к осознанию того, что для нас очень важно сознательно развивать левую зелёную перспективу. Хотя зелёное движение совершенно правильно отвергает простую разновидность общепринятой левой ортодоксии, принаряженную в несколько новых экологических метафор, я думаю, оно совершает огромную ошибку, когда отказывается сознательно обратиться к леволибертарным и популистским традициям, в особенности к экоанархизму. Когда зелёные отрицают свою близость к этим левым направлениям, они отрезают себя от важного источника вдохновения, мудрости и социального опыта.

Сегодня, например, американское зелёное движение не может даже заставить себя заявить в один голос, что оно против капитализма. В самом деле, некоторые местные организации Зелёных корреспондентских комитетов США состоят из умеренных республиканцев и либеральных демократов, которые говорят о «действительно свободных рынках», «зелёном капитализме» и «зелёном потребительстве» как о средствах, достаточных для того, чтобы контролировать политику транснациональных корпораций. Они говорят о проведении семинаров для менеджеров корпораций, чтобы побудить их принять экологически ориентированную деловую этику. Леволибертарная зелёная перспектива рубит на корню все эти мелкие, реформистские и очень наивные рассуждения.

Радикальная левая традиция является недвусмысленно антикапиталистической. Главный урок, который зелёные могут извлечь из леволибертарной экологии, состоит в том, что корпоративный капитализм по определению антиэкологичен. Рано или поздно рыночная экономика, живущая по законам конкуренции и накопления и основанная на принципе «расти или умри», неизбежно должна будет разрушить планету, независимо от любых моральных и культурных факторов. Эта проблема является системной, а не только этической. Транснациональный корпоративный капитализм, подобно раку, жадно пожирает биосферу, сводит на нет работу целых эонов естественной эволюции и подрывает основы существования сложных форм жизни на этой планете. Экологическое движение ничего не добьётся, если не осознает этот факт. К её чести, «Земля прежде всего!» продвинулась в понимании этого пункта дальше, чем большинство экологических групп.

Далее, я убеждён, что отсутствие достаточно развитой леволибертарной зелёной перспективы сделало слишком многих людей в экологическом и феминистском движениях уязвимыми для «контрпросветительского» настроения, которое сейчас всё больше распространяется в западной культуре. Хотя нарастающее очернение просветительских

ценностей гуманизма, натурализма, разума, науки и технологии, конечно, можно понять в свете того, как эти гуманные идеалы были искажены патриархальным, расистским, капиталистическим и бюрократическим обществом, некритическое отрицание действительных достижений Просвещения в конечном счёте кончится тем, что вместе с водой мы выплеснем и младенца.

То, что наше общество извратило лучшие идеи просветителей, сведя разум к грубому индустриальному рационализму, сфокусированному на эффективности, а не на этически вдохновлённой интеллектуальности; что оно использует науку, чтобы измерять мир и отделять мысль от чувства; что оно использует технологию, чтобы эксплуатировать природу, в том числе человеческую природу, – всё это не должно обесценивать основополагающие идеалы Просвещения. Нас многому может научить непрерывная органическая традиция в западной философии, которая начинается с Гераклита и проходит через околоэволюционную диалектику Аристотеля, Дидро и Гегеля. Нас многому могут научить глубокий эконоанархический анализ Петра Кропоткина и – да, радикальные экономические прозрения Карла Маркса, революционно-гуманистические, антисексистские взгляды Луизы Мишель и Эммы Гольдман и коммунитарные теории Пола Гудмена, Э. А. Гуткина и Люиса Мамфорда.

Новое антипросветительское направление, которое объявляет всех этих мыслителей бесполезными или даже хуже, чертовски меня пугает. Потенциально оно может быть довольно опасным. Антирациональные, антигуманистические, сверхъестественные, узкие, изжившие себя взгляды – это жуткий фундамент для строительства движения за новое общество. Такие подходы слишком легко могут вылиться в крайности политического фанатизма или пассивного социального квиетизма. Они легко могут стать реакционными, бездушными и жестокими.

Я видел, как это произошло в 1930-е. Вот почему я говорю, что возникновение в нашем движении эконофашизма – это сегодня реальная возможность. Вот почему я раскритиковал некоторые человеконенавистнические заявления, опубликованные в «Земля прежде всего!»; вот почему я осудил тех немногих «землян», которые собирались вокруг костров и скандировали: «Долой людей!»; и вот почему я выразил тревогу в связи с тем, что крайние высказывания некоторых членов «Земля прежде всего!» по поводу СПИДа, иммиграции и голода так долго не встречали возражений со стороны теоретиков глубинной экологии вроде Джорджа Сешенса, Билла Диволла и Арне Несса. Я согласен с Дейвом в том, что нам следует уважать многообразие взглядов внутри нашего движения, но мы не должны смешивать многообразие и прямое противоречие. Подобные взгляды в лучшем случае неуместны, а в худшем – контрпродуктивны и очень опасны.

Правда ли, что в нашем движении не играет никакой роли гуманистическая этика? Правда ли, что не играет никакой роли разум? Правда ли, что не играет никакой роли экологически чистая технология, которая может удовлетворить основные материальные потребности при минимуме затраченных усилий, оставляя людям время и энергию для прямого демократического управления, насыщенной общественной жизни, осознания ценности природы и удовлетворения культурных запросов? Правда ли, что не играют никакой роли естественные науки? Правда ли, что не играет никакой роли признание всеобщих

человеческих интересов? Экология действительно заставляет нас возвращаться к идее подавления человечества? Мы действительно должны заменить натурализм новым супернатурализмом, входящим нынче в моду?

Дейв определённо прав насчёт того, что, наряду с рациональным духом в человеке, важное место занимает чувство чудесного и удивительного. Но давайте не будем позволять, чтобы торжество этих способов постижения мира вырождалось, как слишком часто случается в наши дни, в антирационализм. Давайте не будем позволять, чтобы торжество природы, воспринимаемой как самоцель, вырождалось в мизантропический антигуманизм. Давайте не будем позволять, чтобы осознание важности духовных традиций племенных народов вырождалось в реакционную, сверхъестественную, антинаучную, антитехнологическую перспективу, которая призывает нас к полному «разрушению цивилизации» и расценивает охотничье-собираческое общество как единственно правомерный образ жизни.

Я обращаюсь ко всем активистам в движении, чтобы они поддержали позицию натурализма и более широкого, экологического гуманизма. Это – один из наиболее важных уроков, которые дала мне левая либертарная традиция, из которой я пришёл. Если мы собираемся создать свободное, экологическое общество, нам нужно будет усвоить этот урок и выступить против Контрпросвещения, охватившего слишком многих наших возможных союзников.

Нам необходимо решительное усилие, чтобы связать беспорядок в экологии с беспорядком в обществе; чтобы бросить вызов могущественным корпоративным и политическим интересам, которые собственно следует называть капитализмом; чтобы проанализировать, изучить и атаковать иерархию в реальности, а не только в представлении; чтобы признать материальные потребности бедных и людей третьего мира; чтобы действовать как политическая сила, а не как религиозный культ; чтобы позволить человеческому виду и человеческому разуму занять подобающее место в естественной эволюции, вместо того чтобы воспринимать их как «раковую опухоль» в биосфере; чтобы исследовать экономические системы так же, как и «души»; чтобы развивать дух экологической этики, не уходя в схоластические рассуждения о «правах» патогенных вирусов. Несомненно, если экологическое движение не свяжет экологические проблемы с наболевшими социальными вопросами левой либертарной традиции, как это попытались сделать социальные экологи, наше движение будет поглощено, развалено или превращено во что-то мрачное и репрессивное.

Я рад тому, что Дейв теперь вполне готов старательно разгребать хлам вековой леворадикальной традиции в поисках полезных идей и выводов. Это – важный проект, несмотря на все ограничения и проблемы, обычные для левого лагеря. Я опасаясь, однако, что Дейв и другие теоретики и активисты глубинной экологии будут продолжать эклектически заимствовать отдельные программные положения левой либертарной традиции, игнорируя или преуменьшая значение её основополагающей эмансипаторской, натуралистической и гуманистической логики.

Вот один пример: конкретные предложения о децентрализации, небольших сообществах, местной автономии, взаимопомощи и коммунализме, заимствованные глубинно-

экологическими мыслителями вроде Сешенса и Диволла у экоанархистов наподобие Петра Кропоткина и меня самого, по своей природе не являются экологическими или освободительными. Их конечный результат зависит от социального и философского контекста, в который мы помещаем подобные программы. Немногие общества были более децентрализованными, чем европейский феодализм, который был основан на небольших коммунах, взаимопомощи и общинном землепользовании. Но в то же время немногие общества были более иерархичными и репрессивными. В экономике средневекового поместья-манора большое значение придавалось принципам автаркии, или «самообеспечения», и духовности. Но в то же время угнетение часто было нестерпимым, и значительная масса людей, принадлежавших к этому обществу, была полностью поработана «благородными» представителями аристократии.

Ясная, творческая и вдумчивая левая зелёная перспектива может помочь нам избежать этой судьбы. Она может дать нам чёткий философский контур или контекст, позволяющий преодолеть моральную несознательность, расизм, сексизм, мизантропию, авторитаризм и социальную неграмотность, которые временами проявлялись в кругах глубинных экологов. Она также может стать последовательной альтернативой как традиционному для левых пренебрежению экологией, так и недавно возникшему, чисто утилитарному подходу реформистского энвайронментализма.

Я убеждён в том, что нам потребуется «озеленить левых и радикализировать зелёных», если мы хотим по-настоящему защитить Землю. Вот почему я думаю, что этот диалог действительно важен.

Глава 3. Радикальные подходы и стратегии

Линда Давидофф:

Полагаю, меня отобрали, чтобы играть роль «мейнстримного» активиста на этой важной дискуссии. Хотя я согласна с Мюрреем и Дейвом в том, что экологический кризис серьёзен, я не уверена, что могу согласиться с их стратегическими подходами к изменению общества. Прежде всего, я убеждена в том, что приоритет следует отдать избирательной реформе и работе внутри системы.

Мне повезло участвовать в создании коалиции здесь, в Нью-Йорке, называемой «Окружающая среда '90». Мы – построенная на общей платформе инициатива, которая зародилась в этом году как отклик на предстоящие выборы мэра. Мы верим, что выбор между главными кандидатами и их платформами существенно повлияет на то, как будут идти дела в нашем городе в следующем году. Поэтому мы сплотили группы и личности, которые активно борются за лучшую окружающую среду и пытаются выработать общую позицию относительно того, на что мы надеемся в случае изменений в правительстве.

Нью-Йорком на протяжении последних 12 или более лет управляла экономическая школа, которая утверждала, что выход из нашего финансового кризиса в том, чтобы продавать, продавать и продавать всё, что можно, покупателям, предлагающим самую высокую цену, и таким образом укреплять налоговую базу. В случае Нью-Йорка то, что мы по большей части должны продавать, продавать и продавать, – это наша земля и разрешение вести на ней строительство. Группы наподобие моей вступили, вместе с прочими экологическими и гражданскими активистами, в решительное сражение, которое велось в административных органах, в судах, в газетах и на ТВ. Это было сражение за общественное мнение по поводу того, насколько дорогое строительство мы должны вести; как плотно мы должны строить; как высоко мы должны строить – до какой степени мы должны застроить, загородить, забетонировать город, в котором нам приходится жить и выживать. Мы чувствуем, что эти вопросы имеют значение и что они стоят того, чтобы собраться вместе и попытаться выработать всестороннюю и реалистичную платформу, удовлетворяющую граждан нашего города. Мы надеемся положить начало серии собраний и обсуждений, которые позволят разработать программу на первые 100 дней новой городской администрации.

Мюррей и Дейв, вероятно, видят в этом чистой воды соглашательство. Оба они, похоже, думают, что наше общество, вся наша цивилизация «насквозь прогнила» и не может быть реформирована. Но, откровенно говоря, я не считаю, что наше общество насквозь прогнило. Конечно, наше общество несправедливо. Наше общество основано на эксплуатации. Наше общество как целое принимает неразумные решения. Составляющие его институты ещё не

являются образцовыми представителями общественных интересов, и мы должны это исправить. Но мы живём в необычайно устойчивом обществе, которое медленно и неохотно поддаётся изменениям. Я не вижу за углом революции, экоанархической или какой-нибудь ещё. Поэтому я думаю, что нам лучше попытаться счастья в старомодном реформизме. С помощью него можно произвести действительные изменения здесь и сейчас.

Я помню работу, которая велась в эпоху Вьетнама против кандидата в президенты, хотевшего бомбами отбросить вьетнамцев назад в каменный век. Чтобы не допустить этого, я работала на того, кто не был готов зайти так далеко. Выбор был невелик, но это было всё, что нам предлагали на избирательной арене, где ключевые решения уже приняты, и я думаю, это имело значение. Было важно продвинуть менее опасного кандидата. Поскольку, в конце концов, те из нас, кто хотел остановить войну, прежде чем она полностью уничтожит вьетнамское общество и культуру, должны были достичь успеха в давлении на правительство, чтобы сдерживать его разрушительную силу. И мы это сделали. В самом деле, мы всё-таки остановили войну. Мы всё-таки убедили людей, занимающих влиятельные посты в нашем обществе, чтобы они обратили внимание на наши взгляды и дали благоприятный ответ. Это, я думаю, и есть ключ к политическому успеху.

Вполне можно работать в тех учреждениях, которые открыты для нас, чтобы дать делам желаемое направление. Хитрость в том, чтобы быть готовыми использовать правительственные механизмы, доступные нам, и доносить наше послание до широкой публики и людей, принимающих решения, не отчуждая себя от них. Разговоры о революции, выражения вроде «насквозь прогнило», отказ участвовать в выборах, политических партиях, медийной активности, судебных слушаниях и лоббировании – всё это представляется мне контрпродуктивным.

Позвольте мне привести более свежий и близкий пример. На одном недавнем заседании Вестсайдской комиссии, планирующей застройку по городу и штату, было объявлено, что комиссия пересмотрела свой позорный Вествейский проект, по которому следовало засыпать реку Гудзон, под землёй проложить туннель, а поверхность отдать под строительство высотных зданий, с небольшой парковой зоной в виде уступки местным защитникам окружающей среды. Глава комиссии объявил собравшимся – а в зале присутствовало по меньшей мере сто зрителей и множество журналистов, – что комиссия решила отказаться от свалки и засыпки отходов. По толпе прошёл шёпот: люди стали спрашивать друг друга, каким же чудом удалось исключить эту свалку из планов строительства, которое ведётся на западной стороне Манхэттена.

А «чудом» было то, что некоторые наши граждане не захотели сдаваться. Они с невероятной настойчивостью день и ночь боролись против этого плана, используя доступные им механизмы принятия решений: публичные слушания, прессу и суды. Вот пример того, как люди, умело использующие административный аппарат общества, смогли предотвратить недоброе дело – засыпку реки Гудзон. Итак, это удалось остановить, и мы думаем, что у нас даже есть довольно неплохие шансы на переговоры с Вестсайдской комиссией по поводу строительства скромного бульвара и великолепного парка на Гудзон-Ривер-Гринвей, который мог бы стать одним из величайших памятников дальновидности граждан и борьбе за сохранение окружающей среды в нашем обществе.

Одним словом, я думаю, что можно защищать Землю, используя имеющиеся в нашем обществе институциональные структуры и проявляя готовность идти на компромисс в некоторых пунктах. Мы начисто отвергаем не проекты строительства вообще, а только худшие, наиболее разрушительные проявления градостроительства. Это не значит, что у нас совсем нет боевого духа. Это не значит, что мы никогда не ставим вопрос ребром. Но я думаю, нам следует исходить из того, что у нас стабильное общество, которое медленно приходит в движение, и что мы можем изменить его, только если мы очень, очень осторожно будем вырабатывать эффективные, реалистичные стратегии, имеющие некоторый шанс на успех, а не гнаться за утопическими мечтами.

Поэтому у меня такой вопрос к Дейву и Мюррею: почему вы больше не пытаетесь работать внутри системы? Почему вы так убеждены в том, что наше общество «насквозь прогнило»? Почему вы рассматриваете свои более радикальные стратегии перемен как реалистичные? Чем плоха прагматическая реформистская стратегия?

Дейв Формен:

Как я уже не раз говорил, я думаю, что мы должны защищать Землю разными способами. Я не говорю вам заниматься только одним делом, использовать только одну тактику или подход. В каком-то смысле мне безразлично, какой способ защитить Землю вы выбираете – пишете ли вы письма в редакцию, перерабатываете газеты, собираете голоса для кандидата-энвайронменталиста, блокируете атомные электростанции с несколькими тысячами других людей или же в одиночку занимаетесь шипованием деревьев и разбираете бульдозеры в девственных лесах.

Но вот что мне действительно небезразлично: люди должны оторвать свои задницы от диванов перед телевизорами и что-нибудь сделать. Вы должны взять на себя ответственность за свою жизнь и за мир. Вы должны сделать что-то, чтобы заплатить за право обитать на этой прекрасной, зелёно-голубой, живой Земле. Если бы больше людей просто-напросто оторвали свои задницы и что-нибудь сделали, у нас были бы гораздо лучшие шансы на выживание и сохранение Земли и её многочисленных видов.

Однако я не думаю, что все приёмы и стратегии, которые мы выбираем, одинаково ценны и эффективны. Помимо отрывания наших задниц нам придётся как следует подумать и решить, какие приёмы и стратегии защитят Землю лучше всего. Определённо, у меня больше вопросов, чем ответов, на этот счёт, но некоторые вещи кажутся мне очевидными. Прежде всего, я полагаю, что умеренный и так называемый прагматический подход, так хорошо обрисованный Линдой, ограничен и часто приводит к обратным результатам.

Я был бы последним, кто скажет, что в тактике нашего движения нет места для предвыборных кампаний, судебных исков и лоббирования хороших законов. Я думаю, что такие методы могут оказаться полезными, поэтому не стоит с ходу их отбрасывать. Как я говорил ранее, я некоторое время работал в Обществе дикой природы как его координатор по лоббированию в Вашингтоне. Кроме того, я был председателем «Консервационистов за Картера» в Нью-Мексико в 1976 г. Даже при том, что политика Джимми Картера в отношении общественных земель заставила нас создать «Земля прежде всего!», он

совершил на своём посту некоторые добрые дела. Этого нельзя отрицать. Я также потратил много часов на переговоры с Лесной службой США и участие в публичных слушаниях, которые проводились с целью планирования её работы. Из всего этого опыта я, однако, вынес заключение, что эти методы сами по себе недостаточно эффективны или недостаточно практичны для защиты существующих девственных областей, находящихся сегодня в такой опасности.

По меньшей мере, вам стоит подумать о том, что движение за сохранение общественных земель должно стремиться, в качестве одной из своих важнейших целей, удерживать индустриальную «цивилизацию» на расстоянии от тех немногих уголков дикой природы, которые ещё остаются. Но, несмотря на это, мейнстримное движение стало настолько покорным прислужником господствующего индустриального строя, что оно неспособно отстаивать даже эту ограниченную цель. Вы можете видеть образчик его нынешней стратегии уже в 1956 г., когда защитники окружающей среды согласились с компромиссным Законом о водохранилище на реке Колорадо, который отменял строительство огромной плотины на Грин-Ривер и Ямпе, в районе национального памятника Динозавр, но взамен разрешал возвести её на реке Колорадо, в Глен-Каньоне. Сегодняшняя стратегия консервационистского движения – приносить в жертву обширные пространства дикой природы, чтобы защитить всё уменьшающееся ядро «неприкосновенных» девственных ареалов. Это ведёт нас в никуда.

Конечно, усилия мейнстримного консервационистского движения в электоральной политике, лоббировании и судебных баталиях замедляют вторжение в природную среду, но они не могут окончательно остановить его, не говоря уже о том, чтобы повернуть вспять. Говоря начистоту, наша представительная демократия потерпела крах. Наше правительство в первую очередь представляет больших ребят с деньгами и обстряпывает всё так, что движения в поддержку реформ оказываются в проигрыше. Играя только по правилам системы, вы ограничиваете себя. Вот почему реформистское консервационистское движение даже не думает, что было бы реалистично попытаться защитить все оставшиеся ареалы дикой природы в Соединённых Штатах, не говоря уже об их расширении с помощью экологической реставрации. Стремление вписаться, не казаться радикалами или экстремистами, всегда искать компромисс очевидно делает вас чертовски легко управляемым. Неудивительно, что в течение последних 15 лет мейнстримное консервационистское движение было отодвинуто в сторону из-за нерешительности его подходов и тактик.

К примеру, в начале лета 1977 г. Лесная служба США начала 18-месячную перепись и оценку всех территорий в национальных лесах, не затронутых дорожным строительством и экономическим развитием, которые по закону могут быть рассмотрены Конгрессом на предмет отнесения к охраняемым заповедникам дикой природы. В целом, тогда в национальных лесах было около 320 тысяч кв. км земель, сохранявших значительную степень естественного разнообразия и первозданности. Наряду с национальными парками и памятниками, национальными резерватами дикой природы, существующими территориями дикой природы и некоторыми землями штатов, эти бездорожные области образуют то, что осталось от дикой природы в Соединённых Штатах. Это места, которые связывают воедино Северную Америку, которые хранят генетическую информацию жизни, которые

представляют естественное здравомыслие в пучине индустриального безумия.

Теперь вам нужно вспомнить, что Лесная служба США с самого начала смотрела на национальные леса как на место для промышленной лесозаготовки, скотоводства, развития горнодобывающей и энергетической промышленности, дорожного строительства и туристических поездок. Поэтому не стоит удивляться тому, что в январе 1979 г. Лесная служба объявила следующие результаты оценки территорий дикой природы: из оставшихся 320 тысяч кв. км неосвоенных земель в национальных лесах только 60 тысяч были рекомендованы к охране от лесозаготовки, дорожного строительства и прочего «развития». В лесном штате Орегон, для примера, под охрану предлагалось взять лишь 1,5 тысячи кв. км из оставшихся 18 тысяч кв. км бездорожных, нерубленных лесных угодий. Из территорий, которые предполагалось объявить охраняемыми на национальном уровне, большинство были слишком высоко расположены, слишком засушливы, слишком холодны, слишком обрывисты, чтобы быть привлекательными в плане «ресурсов» для лесозаготовителей, горнопромышленников и скотовладельцев. Прочие бездорожные районы со старовозрастными лесами исключительной ценности были зарезервированы для лесопилки. Важные местообитания медведей гризли на севере Скалистых гор были отданы нефтяным и лесным магнатам. Фанаты внедорожников и бароны мясной индустрии отвоевали себе Юго-Запад и Большой Бассейн.

К несчастью, в ответ на это консервационистское движение не стало призывать к сохранению последних оставшихся ареалов дикой природы во всей их полноте или использовать все доступные законные методы борьбы, чтобы защитить эти районы и воспротивиться нашествию правительства и корпораций на девственные общественные земли. Вместо этого консервационисты стремились быть реалистичными и открытыми для компромисса, и в обмен на уступку большей части массивов дикой природы они стали выторговывать максимально возможное увеличение площади, которую предлагалось защитить в законодательном порядке. При таких весьма ограниченных целях, принятая ими тактика в конечном счёте принесла успех, хотя даже ради этого пришлось выдержать упорную борьбу. Но следует помнить о том, что это достижение едва ли было значительной победой для самой природы.

После этого Лесная служба нашла способ, который в будущем позволит блокировать любые типовые инициативы по расширению площади охраняемых территорий дикой природы в национальных лесах. По общему правилу, рассматриваются только те предложения по охране дикой природы в национальных лесах, которые относятся к бездорожным районам. В течение 1980-х годов Лесная служба разработала и начала осуществлять 15-летний план по устранению оставшихся бездорожных районов, развернув в национальных лесах строительство более 120 тысяч км новых дорог. Эта обширная дорожная сеть (достаточная, чтобы трижды опоясать планету) потребует от американского налогоплательщика заплатить более 3 миллиардов долларов, чтобы обеспечить лесозаготовительным корпорациям доступ к древесине стоимостью всего лишь 500 миллионов долларов. И что более важно, это строительство заметно снизит степень биологической целостности ареалов дикой природы, оставшихся в стране, и лишит их способности поддерживать значительное разнообразие растительного и животного мира.

Такое ощущение, что парни из Лесной службы США специально сели и спросили себя: «Как сделать так, чтобы нас не донимали консервационисты с их проклятыми предложениями по дикой природе?» И кажется, их план вполне удался. Сегодня Лесная служба систематически разрушает неохранные бездорожные области своей массовой кампанией дорожного строительства. В результате этого эффективность обычного политического лоббирования и избирательных кампаний для защиты девственных мест сходит на нет, и через пять лет пила, бульдозер и буровая вышка опустошат большую часть того, что теперь сохраняет свой первозданный вид, но не охраняется никаким законом. Борьба за дикую природу традиционными средствами скоро закончится сама собой. Возможно, три процента площади Соединённых Штатов будут более или менее защищены, а на остальных будет открыт сезон охоты.

По иронии, общепринятая политическая тактика, которую Линда называет нашим самым мощным, самым практичным, самым эффективным оружием, позволяющим добиться преобразований здесь и сейчас, неспособна защитить даже клочки природного ландшафта, оставшиеся у нас в этой стране, что, с моей точки зрения, является необходимым минимумом. Вот почему я считаю, что по-настоящему эффективная стратегия сохранения дикой природы должна включать солидную дозу бескомпромиссного, ненасильственного прямого действия и сопротивления. Я думаю, что электоральная политика, законодательство, все эти господствующие подходы всё ещё могут играть решающую роль, но ненасильственное прямое действие также должно быть важным средством защиты дикой природы. Я говорю: давайте будем подходить к проблеме, выискивая слабые места в системе, чтобы мы смогли бросить деревянный башмак в шестерёнки механизма, чтобы мы смогли надеть наручники на официальные учреждения и отобрать у них власть. Нам нужно проводить кампании сопротивления каждый раз и при любых обстоятельствах, когда умирающая индустриальная империя пытается вторгнуться в дикую местность. Мы должны задерживать работу существующей системы, сопротивляться и мешать ей, используя все инструменты, доступные нам. Конечно, это включает в себя обращения в инстанции и судебные иски, так же как и содействие законодательству, связывающему руки корпорациям и агентствам наподобие Лесной службы США. Однако, чтобы действительно выполнить нашу работу, мы также должны будем выходить на демонстрации, участвовать в массовом ненасильственном гражданском неповиновении и откровенно, нелегально саботировать и срывать разрушительные для дикой природы проекты. Сейчас самое время женщинам и мужчинам, поодиночке, малыми группами и в больших общественных объединениях, поднимать широкое, стратегическое движение за ненасильственное сопротивление уничтожению дикой природы по всей земле.

Я верю, что подобная кампания может быть эффективной и позволит остановить вырубку леса, дорожное строительство, перевыпас, нефте- и газоразведку, разработку недр, строительство плотин, сооружение линий электропередачи, использование внедорожников, отлов животных, создание лыжных курортов и прочие формы разрушения дикой местности, так же как и злокачественное разрастание пригородов. Я верю, что такие кампании могут быть эффективными, потому что они бьют архитекторов насилия над природой туда, где сосредоточена их жизнь, – в их кошельки.

Многие проекты, посягающие на бездорожные дикие местности, являются экономически уязвимыми. Подобные предприятия могут приносить реальный доход, но они очень чувствительны к непредвиденным издержкам. Для Лесной службы, лесозаготовительных, нефтяных, горнодобывающих и прочих компаний весьма затратно выскребать «ресурсы» из этих последних девственных областей. Стратегия широкого сопротивления может сделать это ещё более затратным, возможно, даже неприемлемо дорогим занятием. Растущая стоимость ремонта техники, перебои, задержки, простои, вызванные проводимыми на местах акциями экологического сопротивления, а также утрата поддержки со стороны общества и рост числа потребительских бойкотов, забастовок и других форм общественного сопротивления – всё это могло бы защитить десятки и сотни тысяч квадратных километров дикой природы гораздо эффективнее, чем любой закон, принятый Конгрессом.

Такие «крайние» и «бескомпромиссные» действия не являются бессмысленно «утопичными». Они стратегически оправданны. Они прагматичны. Действительно, такая тактика требует большей личной вовлечённости и риска, чем работа по обычным каналам. Требуется мужество, чтобы встать между машиной и дикой местностью, чтобы стоять перед цепной пилой, или бульдозером, или агентами ФБР. Нужно, чтобы больше нас вставало на пути у обезумевшей машины, как это сделала Валери Уэйд, забравшаяся на 24-метровую высоту на старую дугласову пихту, чтобы защитить её от срубания, или Хауи Уолк, вытаскивавший пикеты вдоль предполагаемого маршрута газоразведки в основном месте обитания вапёти.

Конечно, оба этих активиста «Земля прежде всего!» подвергли свои жизни опасности, и оба они попали в тюрьму. Но всё-таки они напомнили мне известную историю о Генри Дэвиде Торо, которого отправили в тюрьму за отказ платить подушный налог в знак протеста против войны США с Мексикой. Когда Ральф Уолдо Эмерсон приехал, чтобы вызволить Торо, он позвал его в окно и спросил: «Генри, что ты делаешь там внутри?» Торо спокойно ответил: «Ральф, а что ты делаешь там снаружи?» Нам в нашем сегодняшнем движении необходимо такое же мужество и присутствие духа.

Типовые методы борьбы за реформы, определённо, более безопасны и, в некотором смысле, более выгодны. Действуя по обычным каналам, вы, как правило, можете избежать серьёзных политических репрессий. Вас чаще признают, чем попрекают. Однако результатом этого признания становится угасание силы движения. Я подозреваю, что это заложено в человеческой природе – хотеть быть принятыми той социальной средой, в которой вы оказываетесь. Это действительно больно, когда официальные арбитры общественного мнения клеймят вас как «сумасшедших», «террористов», «чудаков» или «экстремистов». Я думаю, что желание быть «умеренными» и «прагматичными» по большей части вырастает из объяснимого стремления завоевать доверие и признание у масс-медиа и политических и экономических лидеров, в настоящее время направляющих наше общество.

Американская политическая система весьма эффективно умиряет и ассимилирует диссидентов, уделяя им внимание и затем побуждая их быть «разумными», чтобы их идеи воспринимались «более серьёзно». Появление в вечерних новостях, дача показаний на слушаниях в Конгрессе или получение работы в каком-нибудь правительственном агентстве – вот лишь некоторые из методов, используемых элитой, чтобы убедить человека принять

ключевые положения господствующей картины мира и пойти в комнату переговоров договариваться с безумцами, уничтожающими всё чистое и прекрасное. Взгляните на бо́льшую часть мейнстримного консервационистского движения сегодня. Политическое видение большинства этих реформаторов включает в себя, как минимум, мировое население численностью 10-12 миллиардов человек, национальные государства, транснациональные корпорации, личные автомобили и людей в деловых костюмах на каждом континенте. С такими ограниченными взглядами нельзя вызвать или направлять движение за создание проникнутого любовью к природе и эгалитарного общества.

В самом деле, при таком ограниченном подходе у нас незавидное будущее, если оно вообще есть. Современное общество – это прокачанный автомобиль без водителя и без тормозов, который со скоростью 140 км/ч мчится по переулку с кирпичной стеной в конце. Мы отнюдь не живём в устойчивом обществе. Мы живём в самом непостоянном обществе из когда-либо существовавших на этой планете. И я думаю, что всё это дерьмо свалится на наши головы ещё при моей жизни; что алчность, неистовство, желание господствовать над природой и людьми – всё это безумие скоро достигнет своего пика. Я думаю, что в не таком уж далёком будущем произойдут ужасные вещи, после которых нынешний социальный и экологический кризис покажется старыми добрыми деньками. Добиваться одних только «реалистичных» реформ, использовать одни лишь типовые методы социальных преобразований – в данный момент это означает фактически отказаться от борьбы. Реформы, которые реалистичны при текущем распределении институциональной власти, просто не могут вытащить нас отсюда и привести туда, куда нам нужно.

«Земля прежде всего!» во многих отношениях представляет собой фундаменталистское возрождение внутри движения за сохранение дикой природы, возврат к основам и реакцию на реформистское приспособленчество и компромиссы. В течение последних нескольких десятилетий, по мере того как консервационистское движение получало признание, знаменитая теперь «этика земли» Олдо Леопольда уступала в нём место «политическому прагматизму». Это драматическим образом ограничило политический кругозор движения. Теперь оно рассматривает вопрос сохранения дикой природы и видового разнообразия как чисто практическую задачу – находить баланс между интересами конкурирующих групп и достигать компромисса между крупным капиталом и энтузиастами общественной рекреации. «Земля прежде всего!» настаивает на том, что сохранение дикой природы – это вопрос этики, вопрос морали. Его нельзя просто свести к принятому в политике понятию интересов или даже к более гуманной заботе об устойчивом развитии человечества.

Как неоднократно говорил Эд Эбби, люди имеют право быть здесь, но не повсюду, не все сразу и не все в одном месте. Человеческое общество перешло границы; мы разрушаем сами жизненные процессы. Дикая природа – это больше чем мелкие невзрачные парки для турпоходов в местах, имеющих низкий потенциал «развития» или вовсе его лишённых. Дикая природа – это сцена естественной эволюции, и её ареалы должны быть достаточно велики, чтобы природные силы могли действовать свободно. В каждом биорегионе должны быть обширные области, где запрещено проживание людей и экономическая деятельность. Эти области нужно просто оставить в покое, чтобы позволить важной работе стихийной естественной эволюции идти своим ходом.

Это – бесспорно радикальный подход, и он ставит под сомнение многие из положений, на которых основано наше общество. И всё же любая разумная политика, учитывая степень разрушения дикой природы в настоящее время, требует больше чем простого сдерживания «цивилизации» на границах существующих охраняемых территорий. Наша задача как защитников планеты – потребовать назад значительную часть покрытой сейчас асфальтом земли, истощённых полей, вырубленных лесов и умолкнувших гор. Одним из главных требований в платформе каждой экологической группы должна быть охрана или создание крупных системообразующих заповедников дикой природы в каждом регионе. Следует также сформировать и взять под защиту сеть дополнительных заповедников, больших и малых, а также природные коридоры, которые обеспечат свободную циркуляцию генетического материала между ними и заповедниками в других биорегионах.

Конечно, нам потребуется управление и вмешательство человека, чтобы помочь природе вернуть достаточно большую площадь в каждом регионе, по крайней мере 4 тысячи кв. км, в первозданное состояние. Если определённые местные виды были истреблены, их популяцию необходимо возродить. Если это возможно, гризли, волк, пума, ягуар, бизон, вапити, лось, выдра, россомаха – все они должны вновь поселиться на наших общественных землях. Если нужно наполнить лососем реки, восстановить вырубленные леса, разрастить прерии и убрать дороги – тогда это становится одной из ключевых задач экологической реставрации.

Это – по-настоящему революционный экологический подход. Действительно эффективное движение, созданное в ответ на экологический кризис, потребует от нас проводить широкие кампании ненасильственного сопротивления, включая стратегический саботаж, чтобы защитить от разрушения столько дикой местности, сколько возможно. Оно также потребует от нас этической концепции Большого природного пространства, бросающей вызов правительству, корпорациям и народу в целом⁶⁸. Но, откровенно говоря, даже этого недостаточно. Радикальное экологическое движение также должно проделать важную работу по организации нового экологического общества, которое появится из пепла старой индустриальной империи.

Порой эта работа на первый взгляд может даже не показаться радикальной или революционной, но она является таковой. Я говорю, например, о людях, которые разрабатывают дешёвые и простые низкотехнологичные приспособления, вроде солнечной печи, и тем самым делают благое дело для планеты. Эти люди спасают деревья в третьем мире, снижая спрос на дрова в качестве топлива. Я считаю, их работа глубоко революционна, потому что она напоминает нам, что больше – не обязательно лучше, что мы не нуждаемся в масштабных технологических решениях от корпораций или правительства и что люди могут решить некоторые из своих проблем самостоятельно. Мы многим обязаны движению за развитие альтернативной технологии, которое много лет экспериментировало с биотуалетами, органическим садоводством, кустарными изделиями, переработкой, солнечными коллекторами, ветрогенераторами и солнечными печами.

И всё же эти люди, как и я, являются лишь одним из кусочков пазла. Если высокотехнологичные решения не смогут добраться до корня проблемы, низкотехнологичные решения тоже не будут работать.

Мы также должны бросить прямой вызов существующим общественным институтам в политической и экономической сфере. В частности, мы должны быть уверенными, что так называемые развитые страны перестанут рассматривать население и территорию третьего мира как обычные ресурсы для эксплуатации.

Мы в Соединённых Штатах бесспорно ответственны за то, чтобы оказать сопротивление транснациональным корпорациям и правительствам первого мира, которые принуждают общества третьего мира заниматься выращиванием экспортных культур для потребления в первом мире вместо разведения продовольственных культур для их собственных народов. Это не только вопрос элементарной социальной справедливости, это ключевое требование для преодоления глобального экологического кризиса. Плантаторство, монокультура, экспортное сельскохозяйственное производство наносят гораздо больший ущерб природе, чем небольшие, комплексные хозяйства, ориентированные на местное и региональное потребление. Это лишь один пример той фундаментальной реорганизации жизни, которую мы должны провести на обитаемой нами части планеты.

Наряду с возникновением «Земля прежде всего!», я полагаю, самым воодушевляющим достижением последнего времени в Северной Америке стало биорегиональное движение. Биорегионализм по преимуществу рассматривает вопрос, как обеспечить проживание людей на земле на началах децентрализации, эгалитарности и экологичности. Этот концепт очень далёк от того образа жизни, который сейчас почти повсеместно принят в пригородах, в городах и на фермах на этом континенте. Подход биорегионалистов к проблеме проживания подчёркивает необходимость творчески приспособить человеческие сообщества к тому природному региону, в котором они обитают, вместо того чтобы односторонне приспособлять местность к эксплуатирующему человеческому обществу. Это значит вежливо и сознательно занять своё место в пищевой цепочке, в круговороте воды, в естественной среде отдельно взятого природного региона, вместо того чтобы насаждать в каждой области сосредоточенный исключительно на человеке, универсальный индустриальный порядок.

Итак, пока я упорно работаю, чтобы не позволить бесчинствующим штурмовым отрядам умирающего индустриального мира уничтожить всё прекрасное на этой земле, я, к моей радости, вижу, что среди зелёных, в биорегиональном движении, в проектах вроде программы «Зелёный город» в Сан-Франциско есть люди, подобные Мюррею, и они пытаются создать новое общество, которое придёт нам на смену. Это их работа. Я пытаюсь, насколько это возможно, защищать от доллара, от уничтожения доживающим свои последние дни индустриальным обществом. Думаю, Мюррей и другие, в свою очередь, разрабатывают концепции и рассматривают практические аспекты устойчивого экологического общества, которое может возникнуть после падения индустриализма.

В заключение позвольте мне лишь сказать, что я во многом согласен с Мюрреем насчёт того, что это общество насквозь прогнило. Я думаю, оно настолько деструктивно в своей основе, что его в конечном счёте невозможно реформировать любым традиционным способом. Я просто не могу прийти к тому, чего мне хочется, через тот стратегический подход, который был очерчен Линдой. В самом деле, он может не продвинуть нас достаточно далеко, даже чтобы обеспечить продолжительное существование большинства видов этой планеты,

включая человечество. Настоящий радикальный подход и стратегия тоже могут не добиться успеха, но я убеждён, что это – лучшее средство, которое у нас есть.

Мюррей Букчин:

Мы с Дейвом не могли бы быть более единомышленными. Без сомнения, между нами ещё остаются значительные различия. Но, насколько это относится к затронутым вопросам подхода и стратегии, мы, кажется, достигли примечательного согласия.

Для начала, я разделяю мнение Дейва о безотлагательности решения. Капиталистическое общество, как в западной, корпоративной, так и в восточной, бюрократической форме, в основе своей деструктивно. Разрушительная сила этого общества достигла масштабов, не имеющих прецедентов в истории человечества, – и эта сила используется, почти систематически, чтобы привести в расстройство весь живой мир и его материальные основы. Почти в каждом регионе воздух отравляется, водные потоки загрязняются, почва вымывается, земли иссушаются, а дикая природа уничтожается. Прибрежные воды и даже морские глубины беззащитны перед распространяющимся загрязнением. И, что более значимо в долгосрочной перспективе, базовым биологическим циклам, таким как цикл углерода и цикл азота, от которых зависит продолжение и воспроизведение жизни всех существ, наносится ущерб, который приближается к необратимому. Увеличение числа ядерных реакторов в Соединённых Штатах и во всём мире – к 2000 г. их будет около тысячи, если власть имущие исполнят свой замысел, – подвергло бесчисленные миллионы людей и других живых существ воздействию наиболее сильных из известных нам канцерогенных и мутагенных агентов. Некоторые из этих угроз, такие как радиоактивные отходы, могут преследовать нас сотни тысяч лет.

К радиоактивным отходам мы также должны добавить стойкие пестициды, оседание свинца и тысячи токсичных или потенциально токсичных химикатов в пище, воде и воздухе; разрастание городов в обширные урбанистические зоны с невероятной концентрацией населения, сравнимого по численности с целыми нациями; возрастающий уровень фоновых шумов; стрессы, вызванные скученностью, условиями массового проживания и манипулированием общественным мнением; громадные скопления мусора, отвалов, сточных вод и промышленных отходов; заторы на автотрассах и городских улицах, открытых для движения транспорта; безрассудное расходование невозобновляемых ресурсов; расхищение земли спекулянтами-риелторами, горными и лесными магнатами и бюрократами дорожного строительства. Смертельные оскорбления, нанесённые нами биосфере, на протяжении всего лишь одного поколения вылились в разрушение такой степени, что оно превысило ущерб, причинённый людьми за тысячи лет обитания на этой планете. Если принять во внимание этот темп разрушения, становится просто страшно подумать о том, с чем придётся столкнуться следующим поколениям.

Перед лицом такого кризиса борьба за изменения становится неизбежной. Обычные люди во всём мире становятся активными участниками кампаний против атомных электростанций и оружия, за сохранение чистого воздуха и воды, за ограничение использования пестицидов и пищевых добавок, за уменьшение транспортных потоков на улицах и автотрассах, за то, чтобы сделать города в целом более здоровыми, чтобы предотвратить попадание

радиоактивных отходов в окружающую среду, чтобы защитить и расширить ареалы дикой природы, чтобы уберечь животных от истребления человеком. Единственный важнейший вопрос, стоящий сегодня перед экологическим движением, в том, будут ли эти инициативы ассимилированы и заключены в установленные рамки «разумного» инакомыслия и реформизма или же они вырастут в мощное движение, которое сможет произвести фундаментальные, подлинно революционные изменения в нашем обществе и в нашем восприятии мира.

Я давно настаиваю на том, что мы вводим себя в заблуждение, если верим, что мир, обращённый к жизни, может быть полностью построен или хотя бы частично достигнут в обществе, всецело обращённом к смерти. Общество США, как оно строится сегодня, насквозь пронизано патриархатом и расизмом, и оно сидит верхом на целом мире, являясь не только потребителем его богатств и ресурсов, но и препятствием для всех попыток самоопределения у нас и за границей. Его отличительные черты – производство ради производства, сохранение иерархии и тяжёлого труда в мировом масштабе, манипулирование массами и контроль со стороны централизованных государственных институтов. Общество такого рода неизбежно противопоставляет себя жизнеутверждающему миру. Если экологическое движение, в конце концов, не направит свои главные усилия к революции во всех областях жизни – общественной и природной, политической и личной, экономической и культурной, – то оно постепенно опустится до роли предохранительного клапана установленного порядка.

Типовые реформаторские инициативы в лучшем случае могут лишь замедлить ошеломительный натиск разрушительной силы в нашем обществе, но они не могут его остановить. В худшем же случае они убаюкивают людей, внушая им ложное чувство безопасности. Установленный у нас общественный строй заигрывает с нами, чтобы укрепить эту пассивность. Он преподносит нам запоздалые, частичные и удручающе неадекватные реформы, чтобы отвлечь нашу энергию и внимание от более значительных актов разрушения. Подобные меры лишь скрывают от нас прогнившую сердцевину яблока, как привлекательная и обнадёживающая искусственно окрашенная в красный цвет кожаца.

Однако, в конце концов, ключевой недостаток «прагматичной» политической стратегии торга, компромиссов и выбора меньших зол даже не в том, что она не может привести нас туда, куда мы стремимся. Другое, ещё более зловещее следствие этой стратегии – она готовит нас к тому, чтобы мы шли туда, куда нам не хочется идти.

Этот «прагматичный» подход имел смертельные последствия в ходе новейшей истории. Фашизм смог пробиться к власти в Германии отчасти потому, что радикальное рабочее движение умерило свою революционную политику и стремилось быть «эффективным», отдавая свой голос в пользу кандидатов, олицетворявших меньшее зло. Тем самым движение отказывалось от собственной инициативы и лидерства. Такой «реалистичный» подход, казавшийся в то время таким практичным, заставлял немецких рабочих делать выбор сначала между умеренными левыми и либеральным центром, затем между либеральным центром и авторитарными правыми и, наконец, между авторитарными правыми и тоталитарным фашизмом. Мало того что эта сделка с совестью становилась почти неизбежной на парламентском уровне; жестокая диалектика политического

вырождения и морального разложения затрагивала и само немецкое рабочее движение. То, что когда-то боевой и хорошо организованный германский рабочий класс допустил этот политический дрейф от одного меньшего зла к другому без какого-либо акта прямого сопротивления, – это, возможно, самое мрачное событие в его истории.

Движения за охрану окружающей среды поступили немногим лучше, когда возложили свои надежды на политику государства и стратегию меньшего зла. Даже при том что европейские энвайронменталисты вошли в национальные парламенты, стремясь получить доступ к государственной власти как партия зелёных, они по большей части не добились ничего, кроме внимания публики, прикованного к их своекорыстным парламентским представителям, и очень мало сделали для того, чтобы остановить разрушение среды. По красноречивому описанию Дейва, действующие из лучших побуждений энвайронменталисты, придерживаясь такой стратегии, променяли целые леса на символические заповедные рощицы. Необъятные пространства дикой природы отдали ради защиты сравнительно небольших национальных парков. Протяжённые отрезки прибрежных заболоченных земель уступили за пару гектаров девственных пляжей. Таков неизбежный результат «работы внутри системы», когда эта система фундаментально антиэкологична, элитарна и обращена против вас.

Коалиция немецких «Зелёных» с социал-демократическим правительством в Гессене, к примеру, бесславно закончилась в середине 1980-х. «Реалистическое крыло» немецкой партии «Зелёные» не только осквернило своими компромиссами лучшие принципы движения, оно также сделало саму партию более бюрократичной, управляемой и «профессиональной». Результат? Когда-то опирающееся на низовую инициативу, радикальное зелёное движение изменилось коренным образом, а государство, на которое оно стремилось повлиять, – нисколько. Немецкие «Зелёные» сегодня кажутся очень далёкими от своего прежнего обещания представить действительно новую экологическую политику.

Позвольте мне, однако, прояснить: противопоставляя реформистский энвайронментализм возможности по-настоящему радикального экологического движения, я не хочу сказать, что сейчас нам не следует выступать против строительства атомных электростанций и автодорог, а нужно усесться поудобнее и терпеливо ждать, когда наступит тысячелетнее царство экологии. Напротив, пока мы идём к переменам, мы должны всё время крепко держаться за имеющуюся почву. Мы должны пытаться спасти то, что у нас ещё осталось, чтобы мы, по крайней мере, могли пересоздать общество с наименее загрязнённой и наименее испорченной средой, какая только возможна. Но чтобы добиться успеха, мы должны покончить с шаблонным реформизмом и энергично принять гораздо более мощную стратегию ненасильственного сопротивления и прямого действия. Кроме того, нам нужно отказаться от идеи навести порядок в существующих институтах, общественных отношениях, технологиях и ценностях и начать менять их с самого основания. Это не означает, что мы не организуемся вокруг программы-минимум с чёткими неотложными задачами или даже что мы никогда не участвуем в выборах местных органов. Я приводил доводы в пользу таких мер в своих книгах и статьях о либертарном муниципализме⁶⁹. На самом деле это означает, что неотложные цели, которые мы преследуем, и средства, которые мы используем для их достижения, должны ориентировать нас на радикальные

фундаментальные преобразования, а не на ассимиляцию и сдерживание в рамках существующей, безнадежно деструктивной системы.

Я убеждён, что мы окажемся не в состоянии сохранить свою политическую позицию и избежать поглощения, если мы не разработаем смелую и бескомпромиссную программу подлинно экологического будущего. Высшая форма реализма сегодня может быть достигнута, только если мы вырвемся за пределы данного порядка вещей и найдём конструктивную программу того, что должно быть. Недостаточно просто рассуждать о том, что может быть при обычных условиях, установленных институтами сегодняшних хищнических обществ. Таким путём мы не получим программу, которая была бы желательной или хотя бы достаточной. Мы не можем позволить себе довольствоваться изначально половинчатой программой. Наши решения должны соответствовать масштабам проблемы. Мы должны собрать всю храбрость, чтобы принять радикальную концепцию, которая на первый взгляд покажется «утопической» нашему запуганному и покладистому политическому воображению.

Сегодня мы имеем великолепный набор новых идей, планов, технологических проектов и рабочих данных, которые могут дать нам живую картину необходимых контуров устойчивого и экологического общества. Дейв нарисовал половину этой картины, изложив свой взгляд на восстановление обширных территорий дикой природы по всему континенту. Но что насчёт тех территорий, которые всё ещё будут населены людьми? Как можно экологически организовать их? Конечно, они не могут оставаться во власти расползающихся городских зон, массовой индустриализации и гигантских корпоративных ферм, работающих как продовольственные фабрики. Такие институциональные модели не только ведут к разрушительным социальным конфликтам, индивидуальной безликости и централизованной власти; они также взваливают непосильное бремя на местные водные ресурсы, воздух, которым мы дышим, и все природные объекты в тех областях, которые они занимают.

Одной из наших главных целей должна быть радикальная децентрализация наших индустриальных городских районов и создание соразмерных человеку больших и малых городов, которые будут искусно спроектированы в соответствии с допустимой нагрузкой на экосистему, в которой они располагаются. Нам нужно преобразовать нынешнюю модель плотно населённых ползучих урбанистических зон в федерации гораздо меньших городов и посёлков, окружённых небольшими фермами, которые практикуют диверсифицированное, органическое сельское хозяйство для местного потребления и связаны между собой лесополосами, пастбищами и лугами. В неровной, холмистой или гористой местности на земле, имеющей сильный уклон, следует оставлять лесной покров, чтобы предотвратить эрозию, сохранить воду и поддержать дикую жизнь. Кроме того, в каждом городе должно быть много огородов и садов, озеленённых беседок, парков, а также водных потоков и прудов, которые дают приют рыбе и водоплавающим птицам. Таким образом, сельская местность не только составляла бы ближайшее окружение города, но и непосредственно проникала бы в него. Сравнительно недалеко от них могли бы находиться обширные девственные ареалы, которые благополучно сосуществовали бы с человеческими поселениями и заботливо «управлялись» для увеличения и сохранения их эволюционной целостности, разнообразия и устойчивости.

Разукрупнив наши поселения, мы заодно получили бы возможность избавить современное общество от пагубного пристрастия к ископаемому топливу и ядерной энергии. Одна из основных причин, которые делают гигантские города и промышленные производства неспособными к устойчивому развитию, – это свойственная им зависимость от огромных объёмов опасных и невозобновляемых энергетических ресурсов. Чтобы поддерживать большой, плотно населённый город, требуется колоссальное количество угля, нефти или ядерной энергии. Вероятнее всего, безопасные и возобновляемые источники энергии, такие как ветер, вода и солнечный свет, никогда не смогут полностью удовлетворить потребности огромных урбанистических зон, даже если будет введено тщательное энергосбережение, ограничено использование автомобилей и свёрнуто не обусловленное общественными нуждами производство. В отличие от угля, нефти и ядерной энергии, энергия солнца, ветра и других альтернативных источников поступает к нам, так сказать, маленькими «порциями». И всё же, хотя солнечные батареи, ветряные турбины и гидроэнергетика, по-видимому, не могут дать достаточно электричества, чтобы осветить сегодняшний Манхэттен, такие источники, органично соединённые в энергетическую сеть, которая будет рассчитана на потенциал конкретного региона, вполне могли бы удовлетворить потребности небольших, децентрализованных городских поселений.

Подобно сельскому хозяйству, промышленное производство также должно быть децентрализовано, а его технология – радикальным образом перестроена, чтобы творчески задействовать местные ресурсы в небольших, комплексных производствах, которые позволят облегчить труд, использовать вторичное сырьё и устранить загрязнение и токсичные отходы. Благодаря этому возникло бы относительно автономное сообщество, которое очевидным образом зависело бы от своего природного окружения в смысле получения средств к жизни и потому, вероятно, с большим уважением относилось бы к органическим взаимосвязям, поддерживающим его. В долгосрочной перспективе, попытка достичь экономической самостоятельности на местном или, по крайней мере, региональном уровне была бы более эффективной, чем расточительное и неокOLONIAльное глобальное разделение труда, которое преобладает сегодня. Хотя в таком случае, без сомнения, многие мелкие производства и кустарные промыслы дублировались бы от одного сообщества к другому, близость каждой группы к её местной среде и её экологическим корням сделала бы использование ресурсов более разумным и бережным.

Такой подход на первый взгляд представляется довольно радикальным. Но я всё-таки должен подчеркнуть, что эти призывы к децентрализации и «альтернативным» технологиям сами по себе недостаточны для того, чтобы создать гуманное, экологическое общество. Мы не должны вводить себя в заблуждение, веря, что простые изменения в демографии, логистике, дизайне или масштабе автоматически приводят к реальным изменениям в общественной жизни или сознании. Децентрализация и проработанная альтернативная технология, конечно же, могут нам помочь. Децентрализованные сообщества и экотехнологии наподобие тех, что я описал здесь, могли бы помочь открыть новую эру прямой демократии, обеспечив нам свободное время и прозрачность социального устройства, которые позволили бы обычным людям управлять общественными делами без посредничества правящего класса, раздутой бюрократии и элиты профессиональных политических функционеров. Однако подлинный экологический подход в конечном итоге должен прямо ответить на такие болезненные вопросы, как «кто чем владеет?» и «кто чем

управляет?». И ответы, которые мы даём на эти вопросы, в значительной степени определяют наше будущее.

Я бы сказал, что лучшей формой правления в экологическом обществе было бы прямое демократическое самоуправление; что лучшей формой собственности на предприятия и ресурсы была бы не корпоративная и не государственная, а общественная на муниципальном уровне; и что лучшей формой управления экономикой было бы коммунальное самоуправление. При таком подходе общая политика и частные решения, касающиеся общественной жизни, сельского хозяйства и промышленного производства, могли бы, при любой имеющейся возможности, вырабатываться активными гражданами, лично участвующими в собраниях. В числе многих выгод подобного демократического, самоорганизующегося сообщества – тот факт, что оно помогло бы воспитать в людях неиерархическое, свободное мышление, что в конечном счёте повлияло бы и на отношение человеческого общества к окружающему природному миру.

Безусловно, движение от сегодняшнего капиталистического общества – в основе которого лежат безграничные индустриальные и городские пространства, высоко химизированный агробизнес, шаткая экономика вооружений, централизованная и бюрократическая власть, массовое загрязнение и эксплуатация рабочей силы – к экологическому обществу, которое я здесь лишь начал описывать, потребует сложной и многосторонней стратегии перехода. У меня нет готовых формул такой революции. Но некоторые вещи, как бы то ни было, кажутся очевидными. Должна быть выработана новая политика, которая сумеет избежать ловушек ассимиляции внутри системы, разрушающей социальную и экологическую жизнь. Мы нуждаемся в таком общественном движении, которое сможет эффективно сопротивляться национальному государству и корпоративному капитализму и в конечном счёте заменить их; а не в таком, которое ограничивает свои виды «улучшением» существующей системы.

Прямое ненасильственное сопротивление, очевидно, является важным элементом этой новой политики. Достойная изумления гениальность антиядерных объединений 1970-х была в том, что они интуитивно почувствовали потребность порвать с «системой» и сформировать сильную независимую оппозицию. И, конечно, они в значительной степени приняли стратегию прямого действия, поскольку более ранние попытки остановить атомные электростанции, работая в пределах системы, потерпели неудачу. Бесконечные, тянувшиеся месяцами и годами судебные разбирательства, слушания, принятие постановлений в местных органах власти, кампании по подаче петиций и написанию писем конгрессменам – все они, по существу, оказались не в состоянии остановить строительство новых атомных электростанций. Однако я полагаю, что ещё более важная черта прямого действия в том, что оно позволяет сделать решительный шаг к восстановлению личной власти над общественной жизнью, которая была отобрана у людей централизованной, властной бюрократией. Этот опыт служит мостом, который ведёт к возможному будущему обществу, основанному на прямой низовой демократии.

Точно так же ключевым элементом новой радикальной политики является организация сообщества, особенно те формы взаимодействия, при которых люди встречаются лицом к лицу, определяют свои общие проблемы и решают их посредством взаимопомощи и добровольной общественной работы. Такая организация способствует общественной

солидарности, придаёт сообществам уверенность в своих силах и поощряет личную инициативу. Общественные сады, квартальные клубы благоустройства, земельные трасты, жилищные кооперативы, детские сады под присмотром родителей, сети бартерного обмена, альтернативные школы, потребительские и производственные кооперативы, самодеятельные театры, исследовательские группы, местные газеты, открытые для публики телестудии – все они могут удовлетворить насущные и обычно игнорируемые нужды сообщества. Но они, в большей или меньшей степени, также могут служить школами демократического гражданства. Благодаря участию в таких объединениях мы можем стать более социально ответственными и более квалифицированными в демократическом обсуждении и решении важных общественных вопросов.

Однако – и это может шокировать большую часть традиционных анархистов – я также считаю, что нам нужно изучить возможности низовой электоральной политики. Хотя нельзя отрицать, что участие в избирательных процессах в большинстве случаев лишь служит легитимизации национального государства, с неизменными для него бюрократией и ограниченной ролью граждан, я думаю, что для низовых активистов всё-таки важно и возможно вмешаться в местную политику и создать местные структуры нового типа, такие как избирательские инициативы, городские собрания и районные советы, которые со временем всё более будут осуществлять прямой демократический контроль над муниципальным управлением.

Успех подобного либертарного муниципалистского движения будет зависеть от его способности постепенно демократизировать одно местное сообщество за другим и устанавливать конфедеративные региональные отношения между ними. Нам понадобится такой географический, политический и экономический базис, если мы собираемся когда-нибудь всерьёз бросить вызов национальному государству и транснациональным корпорациям. Мы должны будем создать такое двоевластие, чтобы вырвать важные и безотлагательные дела из рук существующей системы и в конце концов вытеснить её. Я не вижу другой реалистичной альтернативы, которая позволила бы создать действительно экологическое общество.

Такая революция, по всей очевидности, не совершится в одночасье в ходе широкого, стихийного и насильственного выступления. Новая политика, которую я отстаиваю, формируется как бы на клеточном уровне, в процессе органического роста и дифференциации, который напоминает развитие зародыша в утробе. Хотя экологическая революция потребует открытых столкновений, как сейчас, так и в будущем, она одновременно будет требовать терпеливой, долгосрочной местной общественной организации и творческой низовой политической работы.

Эта стратегия и есть то, что я подразумеваю под зелёной политикой. Цель здесь не в том, чтобы просто «представлять» набирающее силу движение граждан, становясь во главе существующего вертикального политического аппарата в муниципалитетах, не говоря уже обо всём государстве. Цель в том, чтобы ввести или возродить городские собрания, районные собрания или даже районные советы, которые будут объединять активных граждан как основу демократического контроля на местах. Радикально-экологические кандидаты должны идти на местные выборы с платформой, которая предусматривает

введение таких гражданских ассамблей и формальную реорганизацию городской структуры управления на принципах политического участия, обсуждения общественных дел на личных встречах и полной подотчётности граждан, которые избраны делегатами в вышестоящие, конфедеральные советы или заняты чисто административной работой.

Эти районные собрания могут быть организованы даже раньше, чем их признают в законодательном порядке. Более того, неофициальные гражданские ассамблеи могут сформировать «теневой» или «параллельный» городской совет, состоящий из выборных и ответственных делегатов от каждого районного собрания. Такие теневые городские советы, хотя они юридически и не имели бы полномочий на этапе своего становления, могли бы оказывать весьма значительное моральное влияние на официальные городские советы и в конце концов получить в свои руки всё увеличивающуюся формальную власть. Они могли бы отслеживать повестки заседаний и мероприятия официальных городских советов в мельчайших деталях, предлагать необходимые нововведения и противостоять любым законодательным мерам, которые они сочли бы несовместимыми с интересами общества, таким образом делая общественность всё более эффективной политической силой.

По мере того как будет институционализироваться прямая политическая демократия, можно будет также делать на разных уровнях постепенные шаги к муниципализации экономики. Не посягая на права собственности мелких розничных магазинов, сервисных фирм, кустарных мастерских, небольших ферм, местных заводов и домовладельцев, этот муниципалитет нового типа мог бы начать скупать более крупные предприятия, в особенности те, которые близки к закрытию и могли бы управляться своими собственными рабочими более эффективно, чем ориентирующимися на прибыль предпринимателями или корпорациями. Важное место в проведении экономической программы муниципалитета могла бы занимать организация земельных трастов, которые не только предоставляли бы качественное общественное жильё, но и способствовали бы развитию мелкого кустарного производства. Кооперативы, общественные сады и огороды и фермерские рынки могли бы создаваться на муниципальные субсидии и находиться под общественным контролем – политика, которая завоевала бы потребителя гораздо лучше, чем можно было бы ожидать от ориентированных на прибыль корпоративных предприятий.

Такой политический и экономический контекст мог бы дать прекрасное начало экологической реставрации муниципалитета и прилегающей местности. Можно было бы расширить и восстановить общественные земли. Можно было бы поддержать фермеров, чтобы они осуществили переход к комплексному, органическому сельскому хозяйству, удовлетворяющему местные и региональные нужды. Можно было бы постепенно ограничивать производство на корпоративных фермах. Можно было бы начать программы, облегчающие заселение и освоение сельской местности заинтересованными городскими жителями, которые готовы положить начало новым сообществам. Можно было бы обеспечить бесплатные или дешёвые методы контроля рождаемости. Можно было бы ввести принудительную переработку отходов. Местные хозяйственные и жилищные кодексы могли бы поощрять существенное энергосбережение и переход на безопасные и возобновляемые источники энергии. Можно было бы начать внедрение экологически безопасных технологий производства.

Наконец, мы не можем надеяться реализовать этот подход в отдельно взятом районе или городе. Нам потребуется конфедеративное общество, основанное на координации всех муниципалитетов в системе управления, организованной снизу вверх, в отличие от выстроенного сверху вниз правительства в национальном государстве. На уровне округа или же на региональной основе, наши новые муниципалитеты должны быть объединены конфедеральными советами, и каждый из них должен состоять из всенародно избранных депутатов, которые в любой момент могут быть отозваны тем сообществом, которое они представляют. Эти конфедеральные органы должны быть строго административными; они не будут принимать никаких политических решений, а будут просто координировать и исполнять решения, принятые муниципальными гражданскими органами, избравшими их.

Конфедерацию, которая имеет долгую, хотя и почти забытую историю, не следует смешивать с государством, которое всегда конфликтовало с конфедеративными образованиями, ссылаясь на «эффективность» и, ещё более типичный вариант, на «сложность» нашего «современного» общества. Эти претензии – на самом деле обыкновенные газетные бредни. Но действительно беспокоит меня сегодня то, что очень многие радикалы принимают на веру бессмыслицу о «сложностях» современного общества и редко признают, что когда города насчитывают восемь, десять или двенадцать миллионов жителей – это уже даже не «города», а бесформенные и беспомощные урбанистические пузыри, которым настоятельно необходима децентрализация, как территориальная, так и институциональная.

Конечно, все эти идеи о леволибертарной муниципальной стратегии намечают лишь приблизительные контуры минимальной программы по достижению социальной и экологической гармонии. Однако этот стратегический подход помог бы нам решить многие насущные проблемы и указал бы нам направление более фундаментальных общественных изменений. Начав строительство народного двоевластия, мы на её основе могли бы бросить вызов корпорациям и национальному государству. Каждый из элементов этой программы – минимум способен сплотить вокруг себя успешные общественные альянсы, поскольку она исходит из общего человеческого интереса, превышающего реальные, но узкие интересы класса, нации, этноса и гендера. Такая по-настоящему народная программа может быть выражена в формулах, которые способны объединить большинство людей: мужчин и женщин, людей разных цветов, бедных, рабочих промышленности и сферы обслуживания и специалистов из среднего класса, равно как и немногих наших оппонентов из элиты, которых просто могут терзать угрызения совести.

Однако я действительно согласен с Линдой в одном критически важном пункте. Будет непростительной растратой политического потенциала, если зелёное движение, претендующее на выражение новой экологической политики в этой стране, будет потворствовать американоненавистническому настроению или думать и говорить на политическом языке, который неминуемо окажется отталкивающим или непонятным для большинства американских людей. Десятилетиями радикалы разговаривали с народом Северной Америки на языке немецкого марксизма, русского ленинизма, китайского маоизма или, не так часто, испанского анархизма, – словом, практически на любом языке, кроме того, который укоренён в самой американской революционной традиции, делающей акцент на сообществе, децентрализме, индивидуальности и прямой демократии в противовес

концентрации государственной и корпоративной власти, империалистическому торгашеству и необузданной алчности.

Нам нужно сознательно возродить старый образ «американской мечты», которая была коммунитарной, демократической и утопической, хотя и несовершенной в других отношениях. Хотя нынешняя система насквозь прогнила, она ещё сохраняет в себе следы прежних, часто более либертарных институтов, которые были весьма неуклюже объединены с существующими. Давайте опираться на эти институты и традиции. Используя лозунг, который я пустил в оборот несколько лет назад: «Мы должны демократизировать республику и затем радикализовать демократию».

Глава 4. Расизм и будущее движения

Джим Хотон:

Я согласен Мюрреем и Дейвом по поводу их очень сильного и решительного заявления, что это общество насквозь прогнило, но я настаиваю на том, что оно было гнилым с самого его зарождения. Мы не можем просто искать возврата в воображаемое либертарное, демократическое прошлое. В то время как «отцы-основатели» говорили о создании демократии в этой стране, они продолжали увозить сюда людей из Африки, обращённых в рабство, и истреблять коренные американские народы, которые сопротивлялись европейской оккупации. Очевидно, что американская концепция демократии была ущербной с самого начала. Последние триста лет происходило лишь совершенствование общества, основанного на хищническом поведении, бездушном пренебрежении человеческой жизнью и безумной погоне за прибылью.

Это хищническое поведение изначально также распространялось и на экосистему. Когда коренные американцы свободно проживали в Северной Америке, было больше уважения к земле и её обитателям. Это было утрачено с началом европейского вторжения. Вскоре после того, как европейцы прибыли сюда со своими законтрактованными и захваченными рабами и со своей аристократией, земля стала всего лишь недвижимым имуществом, которое надо было отобрать у племенных сообществ, разделить между белыми европейцами на частные владения и эксплуатировать для получения прибыли на всё расширяющемся рынке. Большинство белых поселенцев боялись дикой природы и ненавидели её. Дикая природа, как и индейцы, стояла на пути неограниченной эксплуатации Нового Света. И то, и другое должно было быть уничтожено.

Современное энвайронменталистское, или экологическое, движение отмечает важный разрыв с этим порочным мировоззрением. Я испытываю большое уважение к этому движению. Экологический вопрос очевидным образом пересекается с вопросами этики и выживания, которые сегодня встают перед человеческим родом. И всё-таки мне интересно, как далеко в разрыве с прошлым нашей нации может зайти экологическое движение, если оно не желает при этом затрагивать вопрос расизма. Расизм стал основой американской общественной системы. Система в нашей стране – расистская сверху донизу. Расизм настолько проник в американскую жизнь, что люди уже даже не замечают и не реагируют на него.

До сегодняшнего времени экологическое движение чаще держалось за это наследие, чем пыталось от него избавиться. Движение часто односторонне критиковало разрушительное поведение нашего общества по отношению к природе, но игнорировало открытое и

непрекращающееся угнетение им людей, в особенности бедных цветных людей, которые относятся к числу наиболее преследуемых. Движение слишком часто формулировало свою программу в таком виде, что она вступала в конфликт с краткосрочными и долгосрочными нуждами бедных цветных людей во всём мире. Поскольку энвайронменталистское движение на протяжении своей истории было преимущественно связано с белыми людьми и средним классом, его представления были неполными, и важные соглашения не были достигнуты.

Эти соглашения, которыми пренебрегли, могут быть ключом к будущему борьбы за экологическое общество. К их чести, Мюррей и Дейв чётко определили капитализм как один из самых больших источников опасности для живого мира. Они правы. Мы действительно живём обществе, где есть правящий класс, в собственности или под контролем которого находятся все основные ресурсы и институты общества, где сама динамика системы требует постоянного роста и эксплуатации и где общий интерес, состоящий в низовой демократии, человеческой солидарности и экологическом равновесии, попирается ради удовлетворения частных интересов правящего класса. Это ставит перед нами вопрос: как мы можем организовать широкое движение, которое будет в состоянии изменить эту систему с самого основания.

И мы должны понимать, что одно из важнейших средств, дающих правящему классу возможность разделить это движение, завоевать его и распоряжаться его силой, по крайней мере в этой стране, – это расизм. Расизм исторически разделил массу рядовых американцев, которые в действительности являются естественными и закономерными союзниками в борьбе против разрушительного влияния корпоративного капитализма и основных институтов его элиты. Расизм, таким образом, стал стратегической угрозой любому социальному движению в этой стране, стремящемуся к реформам или фундаментальным изменениям. Возможно, не найдётся силы, которая была бы более разобщающей. Мы видели, как она разрушает или ограничивает движения, много раз в течение нашей истории.

Может ли экологическое движение позволить себе, с моральной или стратегической точки зрения, игнорировать расизм и важность преодоления пропасти между расами? Может ли оно позволить себе интересоваться только дикой природой и нечеловеческой жизнью, игнорируя упадочную и нездоровую обстановку на рабочих местах, в наших городах и в нашей сельской местности, которая в первую очередь сказывается на рабочем классе и цветных бедняках? Может ли оно позволить себе потерять возможных союзников из-за своего безразличия или недостаточной осведомлённости?

Мой вопрос к Дейву и Мюррею таков: какие мысли у каждого из вас относительно создания межрасовых альянсов, которые могут придать широкому экологическому движению достаточно сил, чтобы произвести фундаментальные изменения? Какие шаги может предпринять экологическое движение, чтобы расширить свою базу, углубить своё видение и побороть расизм?

Дейв Формен:

Прежде всего, этот разговор не обещает быть лёгким. Расизм глубоко уходит корнями в нашу национальную историю. Я вижу это по своей собственной семейной истории. Моя родословная полностью североевропейская. Моя семья приехала в округ Калверт, Мэриленд, в начале XVII века. Затем она переехала в долину Шенандоа. Она последовала за Дэниелом Буном по Дороге диких мест в Кентукки, изгоняя коренные племенные народы, поколениями жившие в этой области. Некоторое время моя семья держала там плантацию и владела рабами. Несмотря на это, она оказалась в затруднительном положении, подобно многим другим фермерам-хлопководам, истощившим свою землю, и в конце концов потеряла плантацию. Большинство членов моей семьи в итоге стали бедняками-хиллбилли в Восточном Кентукки. Я происхожу из той американской традиции, которую так красноречиво раскритиковал Джим, из традиции, которая редко задумывается об этичности эксплуатации земли или цветных людей. Я вспоминаю поездки к моим родственникам в Сан-Антонио, Техас, в 1950-е, когда уборные для белых и цветных всё ещё были отдельными. В то время я ничего не думал об этом. Это было «естественно». Всё просто было так, как было. Я – продукт этой глубоко укоренившейся в Соединённых Штатах расистской традиции. Как и у других белых энвайронменталистов, это несомненно влияет на мою политику и организаторскую работу.

Но я всё же верю, что создание межрасовых альянсов возможно. Например, в Лос-Анджелесе местная группа «Земля прежде всего!» работала с чёрными в большинстве своём жителями Уоттса, организовавшимися против токсичного мусоросжигательного завода, который строился в этом районе. Такая кампания немного выходит за пределы обычной для «Земля прежде всего!» заботы о дикой природе и вымирающих видах, но это – проблема, недвусмысленно связывающая борьбу за расовую справедливость с незагрязнённой средой. Лос-анджелесская «Земля прежде всего!» подумала, что это был бы эффективный способ создать радикальный экологический альянс, преодолевающий расовые границы.

Экологические угрозы, связанные с загрязняющими среду мусоросжигательными заводами, нездоровыми свалками и токсичными полигонами для промышленных отходов, – это огромная проблема для выживания цветных сообществ по всей стране. В самом деле, места проживания бедноты, с высоким процентом цветных людей, имеют гораздо больше шансов на размещение таких опасных для среды и общественного здоровья объектов, чем белые районы с большей долей среднего класса. Защитники окружающей среды и группы борьбы за гражданские права могут действовать сообща в таких вопросах, и они должны это делать. Состоящие преимущественно из белых представителей среднего класса антиядерные объединения 1970-х так и не пришли к полному осознанию связи между этими проблемами, когда они проводили свои кампании прямого действия против атомных электростанций. Они, несомненно, были бы намного сильнее, если бы приложили больше усилий к созданию межрасовых альянсов. Проблема была налицо, не было лишь необходимых для создания коалиции шагов.

К счастью, растущее и боевое, многорасовое, низовое «движение за экологическую справедливость» организуется на такой платформе во всё более бедных сообществах по всей территории Соединённых Штатов⁷⁰. Такие организации, как Народный центр горцев в Теннесси, давали этому движению образование и готовили его лидеров, уделяя особое

внимание лидерам женских и цветных сообществ. Меня очень вдохновляют такие организации. Хотя это и не является основной организационной задачей «Земля прежде всего!», я рад, что другие группы берут на себя эту работу. Так и должно быть. Я глубоко убеждён в том, что крупные мейнстримные экологические объединения должны оказывать этой борьбе серьёзную финансовую и политическую поддержку и что радикальным белым экологами тоже не помешало бы активно поучаствовать в такой низовой организации.

Однако я уверен, что группы наподобие «Земля прежде всего!» не должны переключать внимание со своей первоочередной цели, защиты девственных областей и вымирающих видов, на создание межрасовых альянсов. Было бы огромной ошибкой полагать, что такая организация неактуальна для цветных сообществ. Это может не выглядеть как очевидная проблема выживания для тех афроамериканцев, которые изолированы в противоестественной, упадочной городской среде, которые отчаянно пытаются удержаться на плаву и содержать свои разорённые пристанища, но всё же, в конечном счёте, она затрагивает и их жизни. Защита тропических лесов – это вопрос выживания для всей планеты, включая человеческий вид. Кроме того, хотя у большинства афроамериканцев, само собой, есть более неотложные заботы, тропические леса являются домом для многих аборигенных племенных народов и крестьян, которые зависят от лесов в плане физического и культурного выживания и которые считают, что лесная экосистема имеет неотъемлемую ценность и достойна человеческого уважения.

Международное движение за сохранение тропических лесов дало замечательные результаты, обеспечив взаимно плодотворное сотрудничество между коренными народами и энвайронменталистами США, Японии и Западной Европы. Этот опыт углубил представления большей части американского экологического движения. Лично я многому научился благодаря своему общению с этими племенами. Я с полной ясностью осознал, насколько ценно для экологического движения присоединиться к борьбе против империализма и продолжающихся притеснений племенных народов во всём мире. Когда мы боремся, чтобы защитить леса, мы одновременно должны бороться, чтобы защитить те племенные культуры, которые исторически жили в гармонии с лесами и уважали их. Я горжусь той международной поддержкой, которую мы смогли обеспечить этим людям, а также тем фактом, что несколько племенных групп используют мою книгу «Экозащита» в качестве пособия, чтобы бороться с вырубкой леса и другими посягательствами коммерсантов на экологическую целостность их лесных сообществ.

Я давно пришёл к убеждению, что нам важно понять расовую статистику, которая в немалой степени обуславливает экологический кризис. Нам нужно признать тот факт, что белые мужчины из Северной Америки и северной Европы несут на себе непропорционально большую долю ответственности за тот беспорядок, в котором мы находимся; что потребители из высшего и среднего класса первого мира забирают себе непомерное количество мировых ресурсов и тем самым вызывают большее разрушение на душу населения, чем другие народы.

В значительной степени опираясь на понимание этого, движение «Земля прежде всего!» достигло такого духовного родства с коренными народами по всему миру. В целом, они находятся в самых близких и уважительных отношениях с природой. Поэтому «Земля

прежде всего!» пыталась поддерживать эти группы в совместной борьбе всякий раз, когда это было возможно. Большинство «землян», к примеру, сочувствуют динэ, или навахо, живущим на Биг-Маунтин, которые сопротивляются плану правительства США по их насильственному перемещению. Некоторые из нас уже упорно работают над этим.

Я думаю, что белые энвайронменталисты должны гораздо чаще вступать в такую борьбу и начинать устанавливать важные организационные связи с этими племенными сообществами и другими цветными людьми. Однако одна из проблем, которую я раз за разом встречал у многих белых организаторов, пытающихся создавать коалиции с цветными людьми, заключается в следующем: они настолько поглощены чувством собственной вины, что возводят цветных людей на пьедестал и ограждают их от всяких вопросов или критики. Это – большая беда для коалиционного строительства. Это препятствует обмену опытом, который должен происходить между всеми сторонами альянса.

Я думаю, что для Джима правильно и важно критиковать пережитки расизма в экологическом движении и критиковать само экологическое движения, когда оно признаёт только борьбу за сохранение дикой природы и игнорирует или осуждает борьбу за окружающую среду и выживание, которая ведётся бедными цветными людьми. Мы многое можем извлечь из такой критики. Нами допущено много ошибок, которые должны быть исправлены. Однако я думаю, что и для экологических групп важно и правильно критиковать цветные сообщества, если в выработанных ими программах не уделяется достаточное внимание планете. Если союз действительно будет что-то значить, критическое рассмотрение должно быть двусторонним. Действительно, нас должно беспокоить притеснение женщин, рабочих, цветных людей. Но мы также не должны забывать о представителях других живых видов, которые входят в число наиболее угнетаемых существ на планете.

Прямо сейчас мы ведём невиданную войну против геноцида и доминирования над миром природы. Так, хотя нам и следует поддерживать народ дине, мы не должны делать вид, что перевыпас домашних овец в резервации навахо не представляет существенной проблемы. Хотя мы поддерживаем традиционные способы добывания средств к жизни, принятые у коренных народов в дикой местности Аляски, нам нельзя умалчивать о вырубке индейскими корпорациями старовозрастных лесов на юго-востоке Аляски или о мерах по разведке и добыче нефти в Национальном Арктическом резервате дикой природы, предпринимаемых эскимосской корпорацией «Дойон».

Мы, однако, должны быть вдумчивыми и соблюдать уважение, когда мы критикуем и обсуждаем друг друга. Усилия по налаживанию союза так же могут быть разрушены безответственной критикой, как и некритическим молчанием. Разглядеть творческие идеи, когда они не лежат на поверхности, часто бывает нелегко. Я думаю, что «Земля прежде всего!» не всегда удавалось продуктивно критиковать наших союзников в мейнстримном природоохранном движении.

Лозунг «Земля прежде всего!»: «Никаких компромиссов в защите Матери-Земли». Но что на самом деле означает «никаких компромиссов»? Это означает противостоять совершающим экологический геноцид корпорациям и правительственным учреждениям, бороться против

них, конечно же. И всё-таки слишком часто, когда вы постоянно боретесь с влиятельными и непреклонными силами, вам не удаётся сменить этот настрой, когда вы находитесь среди фактических или потенциальных союзников и обсуждаете ваши с ними разногласия. Мы часто разговариваем со своими возможными союзниками в таком же резком, провокационном, бескомпромиссном тоне. Это делает плодотворный диалог весьма трудным. Мы должны уберечь себя от этого. Всегда есть некоторые действительные различия во мнениях и в восприятии между теми, кто проявляют активность в разных вопросах. Их нельзя отбрасывать или оставлять без внимания. Но при этом мы должны быть открытыми, готовыми к сотрудничеству и взаимным уступкам, чтобы найти способ поговорить друг с другом и сплести наши разноголосые протесты в единое движение.

Я думаю, что в первобытных культурах существовал механизм, позволявший это сделать. Если вы шли охотиться, или ловить лошадей, или вступить в схватку с людьми из другого племени, вы проходили определённые ритуалы, чтобы подготовиться к этому. Однако, прежде чем вернуться в свою родную общину, вы также должны были пройти определённые очистительные ритуалы, чтобы быть уверенными в том, что вы до конца прошли обратный путь. Это то, о чём мы забыли. Если мы на самом деле хотим научиться сотрудничать, преодолевая границы рас, классов и личного опыта, значит, мы должны уметь с адским упорством сражаться против тех сил, которые угрожают всем нам, одновременно сохраняя чувство общности и связи между нами, ведь мы и боремся для того, чтобы разрешить наши разногласия. Мы должны признать, что эти противоречия среди нас отличаются от противоречий между вами нами и защитниками имперского статус-кво.

Установление таких руководящих принципов обсуждения будет, однако, чисто академическим, если люди не поддерживают действительный контакт и не говорят друг с другом. Без действительного общения мы просто не сможем осознать, что мы участвуем в одной и той же борьбе и что мы в конечном счёте нужны друг другу. Как нам добиться того, чего мы хотим, как нам преодолеть былые расхождения и как нам наладить связи – всё это очень трудные вопросы. Я уже привёл несколько примеров того, как экологическое может создавать такие союзы в общей, коалиционной борьбе. Эти инициативы следует расширять, но я, кроме того, думаю, что защитники окружающей среды должны подталкивать себя и на более личном уровне.

У наведения мостов между сообществами или движениями есть и своё очень личное измерение. Нам нужно искать возможность узнать о жизни, интересах и проблемах друг друга. Когда я находился в федеральной тюрьме, после того как меня схватило ФБР, я встретил там много людей, с которыми не пересёкся бы в своей повседневной жизни. Так как меня показывали по ТВ, я был своего рода знаменитостью среди заключённых. Все хотели взять меня под своё крыло и показать мне всё вокруг. В тюрьме я встретил много нелегальных иммигрантов и услышал много историй о пограничном патруле и жизни вдоль американо-мексиканской границы. Именно такие беседы, как эти, помогли мне понять, что пограничный патруль и так называемая война с наркотиками являются частью политики, направленной на создание и признание в этой стране машины расистского полицейского государства. Такие беседы заметно расширили круг моих политических интересов.

Энвайронменталисты также могут внести большой вклад в расширение кругозора жителей бедных цветных сообществ, которые были насильственно оторваны от земли и заперты в разлагающейся урбанистической среде. Я думаю, что «Готов в путь» и другие подобные группы проделали хорошую работу своими программами, которые позволяют людям из бедных районов любой этнической принадлежности выбраться на природу, чтобы обогатить свою жизнь и понять ценность живого мира. Чтобы установить такую же связь, я брал родственников мужа моей сестры, которые относятся к рабочим-латиноамериканцам, на сплав по речным каньонам северного Нью-Мексико. Мой племянник стал фанатом дикой природы. У него, наверное, самый длинный список наблюдений за птицами (life list of birds), чем у любого ребёнка в штате. Я говорил обо всём этом и с Баньоном Брайантом, который, возможно, является единственным в стране чёрным профессором, специализирующимся на природных ресурсах. Мы в настоящее время планируем устроить путешествие на плоту со специально отобранной группой людей и во время него обсудить, как наладить совместную работу, чтобы устранить недостаток экологической грамотности у значительной части урбанизированного афроамериканского сообщества.

Но, по большому счёту, у меня нет готовых и окончательных ответов на вопросы Джима. Это только некоторые предварительные мысли в начале сложного процесса. Вероятно, потребуется упорная работа на протяжении по крайней мере нескольких поколений, чтобы полностью залечить наши социальные раны, которые разделяют нас и не дают сотрудничать в полную силу. Я не думаю, что создание широкой, всеохватывающей организации, которая стремилась бы эффективно решать все наши проблемы, будет сейчас практичным или мудрым шагом. Я думаю, что любая инициатива в этом направлении рухнет под тяжестью собственного веса. В чём мы сейчас, как я думаю, нуждаемся, так это в большей готовности сотрудничать и учиться друг у друга, а также в принятии разнообразия наших главных интересов и акцентов. Это, на мой взгляд, – лучшая в данный момент основа для взаимного сотрудничества и создания альянса.

Возможно, хорошей аналогией того, в чём мы сегодня нуждаемся, было бы охотничье-собираческое племя, которое часто делилось на мелкие семейные группы по несколько человек, а потом, несколько раз в году, собиралось вместе как большая группа для социализации, обмена идеями, впечатлениями и, образно говоря, генетическим материалом. Ещё я думаю, что мы должны смотреть на более широкое движение как на могучую реку, в которой много отдельных течений. Иногда эти течения разделяются; иногда они сливаются и текут вместе. Но все эти течения остаются частью одной и той же реки. Фокус в том, как заставить эти течения бежать в одном направлении. Давайте признаем, на нашем пути стоит большая уродливая плотина, которую нам нужно опрокинуть и разрушить до основания. Мы должны будем сотрудничать, если мы собираемся стать достаточно сильными, чтобы сделать это. Нам сейчас нужно направить свои усилия к достижению соглашения.

В заключение позвольте мне процитировать Генри Дэвида Торо: «Пусть твоя жизнь станет тормозящей силой и остановит машину»⁷¹.

Мюррей Букчин:

Я тронут выступлениями Джима и Дейва. Одна из моих главных претензий к «глубинной экологии» в том, что ей недостаёт ясной развитой социальной теории и этики. Так создаётся очаг философской «толерантности» для несовместимых в корне идей и представлений, от гуманистических натуралистов в традиции Торо до слегка завуалированных расистов. Сегодня Дейв, кажется, присоединяется к первым. Я не могу не приветствовать это после тех человеконенавистнических и неомальтузианских статей, которые я не так давно встречал на страницах «Земля прежде всего!».

На протяжении ряда лет некоторые из наиболее видных представителей «Земля прежде всего!» очевидным образом попадали в последнюю категорию. Лозунги вроде «Реднеки за дикую природу» свидетельствуют по меньшей мере о несознательности, и, опираясь на них, вряд ли можно преодолеть расовые различия. Такой лозунг может иметь расистский подтекст, направленный против афроамериканцев. Ещё более опасны заявления, которые по-прежнему публикуются ведущими глубинными экологами, связанными с «Земля прежде всего!», и которые называют эпидемию СПИДа – оказавшуюся наиболее опустошительной в чёрных и гей-сообществах – исполнением мечты энвайронменталиста, или отношение к голоду в Эфиопии как к печальной, но, по-видимому, необходимой мере по регулированию населения третьего мира, или мнение, что латиноамериканцы – «в культурно-морально-общем смысле» низшие люди, которым нужно запретить эмигрировать в Соединённые Штаты и расходовать «наши» ресурсы.

Проблема, конечно, заключается не в том стремлении воспитать новое восприятие мира природы, о котором заявляют глубинные экологи. Все радикальные экологи согласны с необходимостью выйти за рамки ограниченного экологического сознания, которое смотрит на «Природу» просто как на послушный набор «естественных ресурсов» и определяет наиболее целесообразное отношение человека к природному миру просто как «эффективное» и «благоразумное» использование этих ресурсов, не угрожающее биологической «устойчивости» человеческой популяции. Независимо от различий в нашей философии природы, и глубинные, и социальные экологи призывают недвусмысленно и глубоко уважать биосферу, сознательно стремиться приспособить себя к её условиям и пытаться достичь гармонии между обществом и природой. Я убеждён, что все социальные активисты должны проникнуться этим новым восприятием природы.

Главная проблема философии глубинных экологов в том, насколько далеко они способны видеть. Они не выдвигают социальные корни экологического кризиса на первый план и не обращаются к ним регулярно. Они не изучают и не интерпретируют исторические свидетельства возникновения общества из первой, или биологической, природы – этого ключевого момента эволюции, который органически соединяет социальную теорию с экологической. Они не дают нам никакого объяснения – и, более того, не проявляют почти никакого интереса, – как из раннего органического общества возникла иерархия, как из иерархии возникли классы, как из классов возникло государство – короче говоря, как совершилась та многоэтапная социальная, а равно идеологическая трансформация, которая стоит у истоков экологической проблемы. По большому счёту, в этих вопросах они едва ли более проницательны, чем реформистское энвайронменталистское движение. Поэтому, даже когда отдельные глубинные экологи заводят разговор о гармонизации отношений между расами, гендерами и классами, их обеспокоенность не обусловлена последовательно

выраженной глубинно-экологической философией. Это скорее выражается как внешнее этическое и социальное обязательство, которое может – или, с другой стороны, не может – быть добавлено к глубинно-экологическим концепциям.

Женщины, бедные и цветные, я думаю, правы в своём весьма настороженном отношении к философии, которая расценивает жизненно важные вопросы человеческой солидарности, демократии и освобождения как необязательные и второстепенные темы в лучшем случае и как свидетельство «антиэкологического» или «антропоцентрического» эгоизма – в худшем. Чтобы предоставить прочную основу для альянса, экологическая философия должна быть социальной экологией, которая критикует и ниспровергает все формы иерархии и господства, а не только предпринимаемые нашей цивилизацией попытки господствовать над миром природы и грабить его. Она должна поставить своей высшей целью создание неиерархического общества, чтобы мы могли жить в гармонии с природой.

Наше нынешнее общество имеет определённо иерархический характер. Это собственническое общество, где экономическая власть сосредотачивается в руках корпоративных элит. Это бюрократическое и милитаристское общество, где политическая и военная власть сосредотачивается в централизованных государственных институтах. Это патриархальное общество, где мужчинам в большей или меньшей степени отводится господствующая роль. И это расистское общество, которое даёт белому меньшинству возможность самонадеянно властвовать над цветными народами, составляющими громадное большинство мирового населения. Хотя в теории иерархическое общество может биологически сбалансировать себя, по крайней мере на время, осуществляя драконовский контроль за окружающей средой, невозможно представить, чтобы современное иерархическое и особенно капиталистическое общество смогло установить равноправные, этико-симбиотические отношения между собой и миром природы. Пока сохраняется иерархия, пока система господства организует человечество вокруг элит, идея доминирования над природой будет оставаться преобладающей идеологией и неизбежно приведёт нашу планету на грань, если не столкнёт в пропасть, экологического вымирания.

Социальная экология является более подходящей основой для создания альянса и взаимоуважительного единства в многообразии, поскольку она понимает, что само представление о господстве над природой вытекает из господства человека над человеком, а именно – старших над младшими, мужчин над женщинами, одной этнической или расовой группы над другой, государства над обществом, одного экономического класса над другим и колониальной державы над поработщённым народом. Это позволяет подчеркнуть все социальные проблемы, которые большинство глубинных экологов и реформистских энвайронменталистов склонны игнорировать, часто преуменьшать или полностью искажать. С этой точки зрения борьба против расизма – не просто программный пункт, который можно добавить к «защите Земли», а жизненно важная и существенная часть строительства по-настоящему свободного и экологического общества. Поэтому непростая работа по созданию межэтнических альянсов представляется, как совершенно правильно сказал Джим, и моральной, и стратегической директивой для экологического движения.

Я глубоко ощущаю это нравственное обязательство. В начале 1940-х я работал и был профсоюзным делегатом на литейном заводе, где более 80 процентов моих коллег были

чёрными. Благодаря этому опыту я смог во всех красках увидеть жизнь моих афроамериканских братьев и их угнетение. Я вновь пережил это, участвуя в движении за гражданские права в конце 1950-х и начале 1960-х и работая с Конгрессом расового равенства. Сегодня я не только чувствую себя свидетелем расовой эксплуатации. Я вижу уничтожение самого чёрного сообщества. Я вижу в действии геноцид чёрных и других цветных людей в городах Америки. Это ужасает меня. 24 процента всех чёрных мужчин в Нью-Хейвене в возрасте от 20 до 30 лет являются ВИЧ-инфицированными. Этим людям не помогают; их существование только «признаётся», просто как очередной статистический показатель в отчётах Службы здравоохранения. Сегодня ужасы расизма, которые значительно усугубились по сравнению с тем, с чем я впервые столкнулся в 1930-е и 1940-е, оскорбляют все мои понятия о справедливости. Экологическое движение должно решительно подняться против расизма и принять активное участие в борьбе с ним.

Одно из главных препятствий для создания межэтнических альянсов проявляется себя на программном уровне. Одна из банальностей, повторяемая природоохранным движением, – то, что наше общество достигло экологических пределов своего общего роста на глобальном уровне. Энвайронменталисты таким образом призывают к ограничению экономической экспансии, роста народонаселения и индивидуального потребления. Такие требования во многом обоснованны. Я давно утверждаю, что мы должны преобразовать наше раздутое, урбанизированное и ненасытное общество в конфедерацию экосообществ с территорией, населением, технологией и потреблением, тщательно рассчитанными для конкретной экосистемы, в которой они располагаются. Но когда эти требования не помещены в ясный контекст борьбы за неиерархическое общество, призывы «ограничить рост» почти неизбежно оборачиваются расистскими и драконовскими мерами власти имущих, которые должны обеспечить устойчивость иерархических обществ первого мира за счёт материальных потребностей жителей третьего мира. Поэтому не стоит удивляться тому, что в глазах многих активистов цветных сообществ энвайронментализм стал не более чем расистской программой, которая блокирует необходимые экономические изменения и принуждает к ещё более строгому самоограничению цветных людей в этой стране, в Латинской Америке, Азии и Африке. Он также стал рассматриваться как порочная политика по ограничению «избыточной» численности цветного населения с помощью голода, эпидемий и насильственной стерилизации.

Довольно скверно, что реформистские энвайронменталисты наивно позволяют втягивать себя в это извращение подлинных целей экологической политики. Но ещё больше обескураживает меня то, что люди, определяющие себя как глубинных экологов, активно выступают за подобные меры и при этом называют свои взгляды «радикальной экологией». Я мог показаться слишком неуступчивым в своём резком отношении к этим тенденциям в экологическом движении, но я думаю, что моя горячность оправдана. Такие представления делают продуктивный межрасовый альянс практически невозможным. Я не могу «не напрягаться», когда речь заходит о данном пункте. И явному, и скрытому расизму должен быть брошен вызов, мы должны с корнем вырвать его из нашего движения. Игнорировать эту необходимость – значит обрекать на себя на моральное и стратегическое поражение.

Призывая изменить нашу экологическую философию и способ, которым мы разрабатываем и формулируем нашу программу, я наряду с этим убеждён, что для радикального

экологического лучшей возможностью построить успешные межэтнические альянсы будет принятие либертарного муниципализма как одной из главных стратегий перемен. Мы, конечно, нуждаемся в проводимых «Земля прежде всего!» кампаниях прямого действия, чтобы защитить девственные области. И всё же, если мы действительно собираемся продвигаться к экологическому обществу, основанному на конфедеративных, демократических сообществах – искусно спроектированных для наших экосистем, – нам также нужно разработать новую низовую муниципальную политику.

Как я уже говорил, мы должны, опираясь на тактику ненасильственного прямого действия, общественной самоорганизации и оживления местной электоральной политики, развивать стратегию, направленную на установление прямого демократического контроля над нашим обществом и преобразование его в том направлении, которое я предложил в своём ответе Линде Давидофф. Чтобы добиться успеха, радикальные экологи должны попытаться создать органические сообщества – органические не только в своём уважении к земле, флоре и фауне, но и в своих стараниях во имя человеческой солидарности, низовой демократии и системы социальной поддержки.

Мы уже можем видеть зародыш такого движения. Я согласен с Дейвом, что местные вопросы, такие как размещение ядерных реакторов или захоронение ядерных отходов, опасности кислотных дождей и наличие вредных свалок – и это лишь некоторые из проблем, осаждающих бесчисленные американские муниципалитеты, – уже помогли объединить таких поразительно разных людей в массовые движения, которые преодолевают традиционные классовые, этнические и социальные барьеры, исторически разделившие наши сообщества. Я полностью согласен с Джимом, что жизнеспособные коалиции между экологами и цветными людьми, бросающие вызов государству и корпорациям, вполне возможны на местном низовом уровне.

За последние несколько десятилетий требования общественного контроля на местах привели к созданию многочисленных квартальных ассоциаций, групп квартиросъёмщиков, альтернативных социальных учреждений, районных объединений и многорасовых гражданских групп действия. Городские собрания, или гражданские ассамблеи, первоначально возникшие в Новой Англии, становятся темой дня в регионах Соединённых Штатов, не имеющих никакой общей традиции с Северо-Востоком. Местные группы действия начали также вмешиваться в местную политику, когда-то бывшую неприкосновенным заповедником партийной элиты. Их действия приняли такой масштаб, что начинают влиять на выработку муниципальной политики.

Низовая политика, в особенности народная муниципальная политика, становится неотъемлемой частью политики США в целом. Хотя этому движению пока ещё не хватает внятной позиции и умения ясно ориентироваться, я всё же надеюсь, что оно сохранится и, пусть нетвёрдыми шагами, но проложит себе путь в мир реальной политики. Прямо говоря, должно возникнуть скрытое двоевластие, в котором низы общества начнут бросать вызов его неприступной на вид государственно-корпоративной верхушке. Я думаю, мы уже сегодня можем развить такую тенденцию в Северной Америке. Я думаю, мы можем – если в следующие десятилетия разовьётся в высшей степени сознательное, хорошо организованное и последовательное в своей программе либертарное муниципалистское

движение – создать новое общество на таких принципах, которые смогут поддерживать равновесие, согласованность, гармонию в отношениях между людьми и между человечеством и природой.

Такой подход – это не утопическая мечта; это неотложная повестка для нашего времени. Из-за автоматизации, оттока капитала и возникновения глобального разделения труда многие города США в глазах корпоративных и правительственных элит превратились из мест сосредоточения ценных «человеческих ресурсов» в свалки ненужных «человеческих отходов». Города вроде Нью-Йорка, Детройта и Сент-Луиса в большей или меньшей степени брошены на произвол судьбы корпорациями и государством. Их оставили в нищете и язвах разложения. И неудивительно, учитывая расистскую историю нашей страны, что цветные люди составляют большинство населения во многих из этих городов. Из-за ухудшения качества муниципальных услуг в этих близких к запустению городах увеличивается пропасть между традиционными институтами, которые управляют городом, и непосредственно городским населением. Недоукомплектованные и недофинансируемые муниципальные учреждения больше не могут претендовать на адекватное удовлетворение таких основных потребностей, как санитария, образование, здравоохранение и общественная безопасность. Мрачная «полоса отчуждения» пролегает между традиционным, приходящим в упадок аппаратом управления этих городов и людьми, на благо которых, как считается, он работает.

Как результат, многие состоятельные жители оставили свои города. Многие из бедняков остались и пропадают в отчаянии, преступлениях, насилии и наркомании. Другие, однако, стали организаторами и активными гражданами. Эти люди делают первые шаги к изменению социального, политического, экономического и естественного ландшафта своих сообществ. Они пришли, чтобы заполнить пустоту. Радикальные экологи должны поддержать этих активных, сознательных граждан и работать в тесном сотрудничестве с ними.

Хотя большинство социальных теоретиков, кажется, ещё недостаточно осознают силу общества, способного создать свои собственные политические институты и формы организации, уже есть многочисленные примеры действия этой силы, вселяющие в меня уверенность. Один из моих любимых относится к Нью-Йорку конца 1970-х. Он называется «Движение Восточной 11-й улицы». Первоначально это движение было пуэрториканской районной организацией, одной из нескольких в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена, которая заключила союз с группой молодых экологически ориентированных радикалов, чтобы восстановить заброшенный многоквартирный дом, опустошённый пожаром. Сам этот квартал, один из худших в латиноамериканском гетто, стал притоном для наркоманов, автоугонщиков, грабителей и поджигателей. После того как здание нелегально заняли местные сквоттеры, оно было полностью отремонтировано коллективом, состоявшим по большей части из пуэрториканцев, а также из немногих чёрных и нескольких белых. Предпринятые движением попытки приобрести права на здание, финансировать его ремонт и распространить свою активность на другие заброшенные строения переросли в громкое дело, которое вдохновило аналогичные инициативы как в Нижнем Ист-Сайде, так и в других районах.

Здание было заселено даже раньше, чем были закончены переговоры с городом. Городское правительство явно не желало поддерживать коллектив, и на него пришлось оказать сильное давление снизу, прежде чем оно оказало хоть какую-то помощь. В конце концов, удалось не только восстановить само здание, но и «экологически модернизировать» его с помощью энергосберегающих приспособлений, изоляционных материалов, солнечных батарей для нагревания воды и ветрогенератора, частично обеспечивающего дом электроэнергией. Попутно велись разговоры о саде на крыше, переработке отходов и превращении близлежащих пустырей в «компактные» парки.

Пришлось бы говорить очень долго, чтобы дать полный отчёт о борьбе Движения Восточной 11-й улицы. Но я с радостью могу сказать, что люди из Института социальной экологии выступили в роли вдохновителей и технических консультантов в этих проектах. Вот, я думаю, малоизвестный и замечательный пример того, как молодые белые социальные экологи работали бок о бок с притесняемыми латиноамериканцами, чтобы переустроить человеческую среду обитания в подлинно экологическом духе.

Возможно, самой значительной особенностью этой борьбы была её леволибертарная атмосфера. Проект восстановления был не только увлекающим строительным предприятием; это было во всех смыслах необычайное кооперативное начинание. С политической точки зрения, движение «боролось с мэрией», и оно делало это, осознавая, что тем самым помогает отвоёвывать права района у машины Большого Города. С экономической точки зрения, оно боролось с нью-йоркской финансовой элитой, продвигая принцип трудового участия (*sweat equity*) – внесение личного вклада в благоустройство – вместо обычных капитальных и денежных вложений. С точки зрения экологии, это движение экспериментировало с экотехнологиями, возобновляемыми источниками энергии и относительной независимостью от большой инфраструктуры. В социальном плане, оно способствовало гордости за свой район, общественной солидарности и самодеятельности. Это был великолепный пример социальной экологии в действии, который заметно контрастирует с теми непостоянством, самооправданием и иногда мизантропией, которые я нередко замечаю у глубинных экологов и энвайронменталистов из среднего класса.

Из отчаянной попытки обеспечить достойное жильё родилось низовое социально-экологическое движение. Можно рассказать много других историй о похожей борьбе в других местах по всей стране. То, что эти низовые движения часто бывают эфемерными, не опровергает наличия либертарной закваски в глубине североамериканского общества. И что ещё более важно в свете нашей дискуссии, существование таких движений позволяет предполагать, что вокруг социально-экологических инициатив можно построить успешные многорасовые альянсы.

В любом случае, мы должны быть очень осторожными в попытках построить союз разных культур. Как я говорил ранее, одна из задач радикального экологического движения заключается в том, чтобы выразить общий человеческий интерес, который превосходит реальные, но узкие интересы класса, нации, этноса и гендера, и создать альянс для переустройства нашего общества на более гуманных и экологических принципах. Но всё же нам стоит воздерживаться от поспешных суждений по поводу общечеловеческого интереса. Если мы признаём мультикультурализм, мы больше не можем принимать господствующую

сейчас культуру за универсальную и ожидать, что другие люди разделят её точку зрения. Попытка преодолеть узость интересов таким способом не будет продуктивной. К сожалению, такой односторонний универсалистский подход глубоко укоренился в движениях, состоящих преимущественно из белых представителей среднего класса. Поэтому для экологического движения сегодня лучше всего поскорее распрощаться с такими понятиями, как «люди», и присмотреться к специфическим классовым, этническим и гендерным интересам, которые заслуживают внимания в более широком контексте общечеловеческого и общепланетарного интереса.

Джим Хотон прав, говоря, что непреодоленное отчуждение между людьми не только противоречит основам социальной этики, но и снижает вероятность создания нами подлинно экологического общества. Чтобы избежать этого, радикальные экологи, независимо от их идейной окраски, должны оставаться солидарными с освободительной борьбой цветных людей, женщин, молодёжи, геев и лесбиянок, рабочих, безработных бедняков и народов колоний. Хотя глубинные экологи редко уделяли этому внимание, такие коалиции составляют часть необходимой социальной борьбы против стародавних традиций и институтов иерархии и доминирования – традиций, которые тысячелетиями уродовали общество и сформировали деструктивное отношение человечества к миру природы. Давайте больше не допускать такого пренебрежения. Если мы действительно боремся за создание экологического общества, мы должны стремиться сделать нашу жизнь тормозящей силой, которая остановит расизм и все формы угнетения и эксплуатации. Это существенная часть любой по-настоящему радикальной экологической политики.